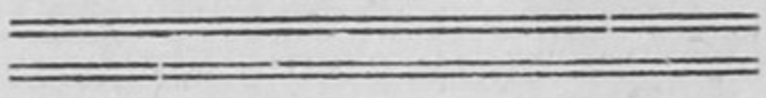
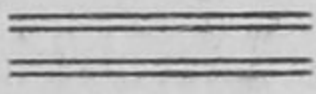

ТРУДЫ

ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ,
 АРХЕОЛОГИИ и ЭТНОГРАФИИ

ПРИ САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

(Бывш. Уч. Архивн. Комис.).

Вып. 34, часть I.

САРАТОВ.
1923.

1965 г.

1962 г.

Саргублит. № 243.

Тираж 500.

81

1947г.

БИБЛИОТЕКА
ИИ Иста Красновладской
и Музейной работы

Краткий отчет о деятельности Отдела Археологии Саратовского Общества Истории, Археологии и Этнографии за 1916—1922 г.

Приступая в 1923 году к возобновлению печатания отчета о своей деятельности, Отдел Археологии считает своим долгом отметить, что он является преемником Сар. Уч. Архивной Комиссии в той части ее работы, которую она посвящала археологии родного края. Вследствие этого и настоящий отчет охватывает время с 1916 года по 1 января 1923 г., т. е., время, не отмеченное путем печатания отчетов о деятельности как Уч. Арх. Комиссии, так и Общества Ист. Арх. и Этн. В 1916 году, помимо энергичной работы в Музее, Архивная Комиссия посвятила часть своих заседаний докладам археологического характера, а именно: *А. А. Кроткова*—„Увек—Саратовский по данным истории и археологии“; „о сфероконических сосудах“, находимых в развалинах Увека, „Джучидские монеты“, „в поисках Мухши“; *Б. В. Зайковского*—„Что говорят курганы и городища Волго-Донского края“, „из летних поездок по Саратовской губ.“; *П. А. Тутковского*—„О происхождении неолита“.

В 1917 г. деятельность Архивной Комиссии была сосредоточена исключительно на спасении архивов, что отнимало у нее все ее время и внимание. Поэтому занятия археологией выразились в 2—3 поездках разведывательного характера. 1918 г. был годом значительного затишья, когда можно было заняться лишь организацией ученических, с археологической целью экскурсий, но в 1919 г. Архивная Комиссия, вскоре преобразованная в Общество Истории, Археологии и Этнографии, снова обращается к занятиям археологией, и мы видим, как часть заседаний посвящается докладам на археологические темы, напр., *Б. В. Зайковский* сообщает „о некоторых возможностях найти в развалинах Золотоордынских городов письменные памятники“, „о поездке в с. Лох“, „в Новоузенский уезд“. Общество принимает участие в раскопках на Увеке, предоставляет свои коллекции для демонстрации на общедоступных лекциях и т. п. В 1921 г. работа Отдела Археологии выразилась в следующем: состоялось 10 публичных заседаний с докладами *Б. В. Зайковского*: „Гюлистан Присарайский“, „Монетная матрица Юстиниана“, „Старая и Новая монета“, „Находки римских монет за 1917 г.“, „Находка еврейской монеты на р. Тарлыке“, „Находки античных монет за 20 лет“, „О тамгах на Золотоордынских монетах“. *А. А. Гераклитова*: „Изображение льва на Золотоордынских монетах“, *П. Н. Шишкина* „Отчет о поездке в северные уезды Саратовской губ.“, „К технике раскопок“, „О раскопках курганов поры поздних кочевников близ г. Покровска“. *П. С. Рыкова*: „К вопросу о свастике“, „Покровский курган и селище“. *Бр. Леонтьевых*: „Самый старый дом в Саратове“. Кроме того, ряд научных сотрудников Отдела работает по изучению коллекций Археологического Музея. Наконец, Отдел организовал археологические раскопки близ Покровска, 2 пробные раскопки на Увеке и разведку на Алексеевский городок Саратовского уезда.

В 1922 г. Отдел имел свыше 8 публичных заседаний, посвященных следующим докладам: *Б. В. Зайковского*: „О татарских монетах“,

„О второй еврейской монете Гиркана“, А. А. Лебедева—О церковной археологии Иакова Вечеркова, З. М. Энгальчева—„Об арабской надписи на памятнике с Увека“, проф. С. Н. Чернова „о Смоленской литве“, П. Н. Шишкина—„О татарских бронзовых замочках“, проф. П. С. Рыкова—„О юго-восточных границах Радимичей“ и „О результате археологических работ в 1922 г.“.

Кроме того, Отдел выработал план раскопок на Увеке на 1923 г. и представил его в виде доклада в Центр. Татарскую Комиссию при Всероссийской Ассоциации Востоковедения, постановившей напечатать доклад в журнале „Новый Восток“. Наконец, Отдел принимал участие и отпустил часть средств на производство раскопок в Покровском уезде и разведок в Хвалынском уезде Саратовской губ.

Председателем Отдела состоит проф. П. С. Рыков, тов. пред.— Б. В. Зайковский и секретарем Т. М. Минаева.

Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уезд., Саратовской губ. в 1922 г.

Предлагаемая ниже работа является сокращенной сводкой результатов археологических исследований в Саратовском крае летом 1922 года.

Крайний недостаток места не дал мне возможности сообщить о всех произведенных нами работах и заставил ограничиться наиболее важным. Неопубликованными остались и результаты работ в 1921 году.

План исследований, намеченный в минувшем году, состоял в следующем: 1) продолжение раскопок курганов бл. г. Покровска, 2) исследование Покровского селища, 3) разведка в Хвалынском уезде и 4) разведка по р. Саратовке.

В итоге можно сказать, что частью поставленные в план вопросы получили некоторое разрешение, а частью требуют продолжения исследования, что мы надеемся в 1923 г. провести в жизнь. В печатаемую работу за недостатком места совершенно не вошли сведения о раскопках Покровского селища и дневники всех раскопок. Остались неизданными чертежи, таблицы и рисунки.

В заключение пользуюсь случаем выразить сердечную признательность за неизменное содействие и бескорыстное участие в работе, столь облегчившее мне, ее студентам Сар. Университета: А. Н. и Е. Н. Кушевым, Т. М. Минаевой, А. П. Ручьевой, В. П. Воробьеву, В. А. Квитковскому, М. П. Советову, В. М. Козину, Ф. Н. Родину, Г. Ф. Васильеву, Д. Н. Артоболевскому, П. Д. Степанову, Н. К. Арзютову и В. И. Трофимову.

Проф. П. Рыков.

1. Ямные погребения со скорченными и окрашенными костяками в курганах близ г. Покровска, Саратовской губ.

В результате раскопки курганов в окрестностях г. Покровска оказалось, что почти все курганы, за исключением одного, раскопанного в 1921 г. в Ю.-В. стороне от Покровска, заключают в себе, в качестве основного погребения, ямные погребения со скорченными и окрашенными костяками. Всего таких курганов было вскрыто восемь и в них ямных погребений, считая коллективные, 13 и одно детское при женском костяке.

Обращаясь к детальному их изучению, мы прежде всего можем установить чрезвычайную устойчивость погребального типа. Так все погребения заключаются в однотипных могилах, представляющих четырехугольные ямы с закругленными углами, переходящие иногда в овальную форму, но с сохранением общего вида четырехугольника. Размеры ям также сходны. Положение костяков совершенно одинаковое: на спине, с поджатыми ногами к тазу и вытянутыми руками, а в одном случае руки покойников были сложены на животе. Иной раз наблюдалась некоторая выпрямленность костяка, как будто под спину его было что-то подложено. Это мы видим в кургане № 3 (С.-З. группа) и № 4 (Ю.-В. группа).

Ориентировка покойников также строго выдержана—к С.-В., за исключением лишь двух случаев детских погребений—в кургане № 3 (в С.-З. группе) и № 3 (Ю.-В. группе), где наблюдается положение детей по правилу антитезы, отмеченному еще раньше В. А. Городцовым. Все черепа—долихоцефальные по определению проф. Н. Г. Стадницкого. Также и относительно роста погребенных можно сказать, что все они были высоки, в среднем до 2 арш. 9 верш., отличались большой физической силой, судя по особенностям костей.

Тип лица, повидимому, также очень определен: выдается надбровная часть черепа, лоб невысокий и нос резко выдвинут.

В некоторых случаях удалось заметить особенность в размещении окраски покойников. Так в кургане № 3 все черепа имели яркую красную полосу пальца в 1½ шириной вдоль лба. Нельзя ли здесь предполагать форму ношения волос, спускавшихся, повидимому, на лоб, что и дало границу окраске, не коснувшейся лба выше прически?

Любопытны также детали в устройстве могильной ямы. В кургане № 4 (С.-З. группа) хорошо было заметно, каким образом выдвигали днище могильной ямы. В глине работали особым инструментом, форма лезвия которого очень напоминает обычные бронзовые узкие топоры. Интересны также частности погребального обряда. Покойника клали в могилу, устроив в ней предварительно подстилку из зеленых ветвей—в глине были явно заметны отпечатки дубовых листьев и прутьев,—затем посыпали красной краской—мумией или охрой, иногда бросали уголь и известь, последние обнаружены только в одном случае, а затем прикрывали крышкой, чаще в виде прутьев, вероятно, также зеленых, а иногда тонкими дубовыми плахами, раскалывая поленья вдоль и разрубая их поперек в длину до 6—8 верш. После этого засыпали все землей и делали курганную насыпь. Кроме того, в двух случаях в могилах были обнаружены кости животных, при этом в кургане № 3 (Ю.-З. группа) костячек животного оказался без черепа. В обоих случаях животные были найдены около таза покойника и были положены, вероятно, раньше него в могилу—костяк зверя оказался под ножными костями покойника.

Характерной чертой погребального обряда можно считать также и полное отсутствие вещей при покойниках. Всего было найдено: одно костяное колечко, маленький, покрытый краской кусок кварцита (кург. № 1) и два звериных когтя около ключицы костяка (кург. № 5 и № 4 в Ю.-В. группе). Находки черепков посуды в насыпях нельзя относить к ямным погребениям, тем более, что они оказались не в засыпке могилы, а в курганной насыпи, куда могли попасть при впускных погребениях. Исключением отсюда можно считать находку маленького черепка сосуда в кургане № 4, определить который, вследствие его малой величины, невозможно с достаточной точностью, хотя, судя по орнаменту—ряд штрихов,—он сходен с неолитической посудой, находимой в бассейне р. Вислы*).

Принимая во внимание характерную позу покойников—на спине, с вытянутыми руками и поджатыми к животу ногами, согнутыми в коленях, а также сильную окраску костей и почти полное отсутствие предметов, можно предполагать, что Покровская курганная группа представляет нам древнейший тип ямных погребений бронзовой эпохи, судя по аналогичным наблюдениям на юге России, сделанным В. А. Городцовым. Раскопки А. А. Спицына, произведенные им в Камышинском уезде, показывают тоже самое, только могилы несколько богаче инвентарем. Впрочем, надо сказать, что характер погребений почти не отличается от погребений в Покровских курганах.

Другим основанием к отнесению Покровских ямных погребений к древнейшему типу ямных служила еще и внешняя форма курганов, которые В. А. Городцов считает наиболее древними, а именно, курганы круглые с вершиной над северным краем. Такие как раз формы и наблюдаем мы в Покровских курганах. Во всех случаях имеется отметка в дневнике, что курган—полушарной формы, с вершиной в северной части его. Иных форм мы почти не встречали, за исключением кургана № 2, где имели вершину почти в центре, причем она была плоская. Впрочем, и этот курган был, повидимому, видоизменен вследствие устройства особого, также один раз только встреченного типа впускного погребения с очагом. Наблюдается также и еще одна характерная особенность в устройстве ямы в этом кургане, подтверждающая правильность нашего предположения о первоначальной форме этого кургана, который относится к общей массе древнейших, а именно, ширина ямы в головах была большей, чем в ногах. Подобный факт был отмечен и В. А. Городцовым в отношении Бахмутских курганов.

Указания, сделанные тем же исследователем, на сходство Бахмутских курганов с Иркутскими, между прочим в связи с находками птичьих когтей, служивших, кажется, для рыбной ловли, имеет известный интерес и для нас, так как такие же когти были дважды найдены и в Покровских курганах—(№ 3 и 4 в Ю.-В. группе). Эти предметы также лежали около черепа покойника.

Находка в яме кургана № 1 кварцита довольно неопределенной формы также имеет аналогию в южных курганах и, как и там, может быть объяснена стремлением хоронивших воспользоваться символизацией каменных орудий. Это обстоятельство для покровских курганов имеет особенно важное значение, так как эти курганные группы в большей степени, чем южно-русские отличаются отсутствием орудий при погребенных.

*) См. коллекции Д. Я. Самоквасова в Р. И. Музее.

В. А. Городцов, описывая раскопанные им курганы, уже отметил присутствие их на Волге. Его указание теперь подтверждается большими подробностями и сходством, доходящим до мелочей. Если справедливым можно считать мнение, что описанный тип ямных погребений ведет свое начало от Иркутских ямных погребений, то следует сделать вывод, что покровские курганы несомненно также принадлежат к древнейшим, находясь на середине пути передвижения народности, их оставившей. Считая свою работу по исследованию ямных погребений в покровских обоих группах доведенной до некоторой ясности, я полагаю возможным принять вывод В. А. Городцова относительно состояния культуры народности, которой эти курганные группы принадлежали.

Покровские ямные погребения относятся к глубокой древности и принадлежат одной народности, что видно из той однотипности погребений, о чем я говорил выше. Правда, вследствие почти полного отсутствия вещей, я не могу столь уверенно, как то делает В. А. Городцов, сказать о массовом употреблении населением той эпохи кремневых орудий и появлении орудий бронзовых или медных. Однако, факты находок костяного колечка, кварцита, дубовых рубленых плах, одного черепка грубой глиняной посуды (кург. № 4 в Ю.-В. группе), а также и следов орудий, служивших для обработки могильных ям, я могу с достаточным основанием присоединиться ко всем выводам, сделанным уважаемым исследователем, который, с полным основанием, относит бахмутско-изюмские, сходные с исследуемыми нами покровскими, курганы к ранней поре бронзовой эпохи.

Так довольно ясно намечается линия, покрытая курганами, заключающими ямные погребения со скорченными и окрашенными костяками, идущая из Сибири, от Иркутска, через Урал на Волгу и Дон, и уходящая далее на запад.

Резюмируя изложенное, можно сказать, как это делает В. А. Городцов в отношении к Югу России, что на Нижней Волге, в частности на р. Саратовке, обитал народ в начале металлического периода, хоронивший своих покойников в ямах, под курганами, имевшими вершину над северною полою. Это был сильный народ: его курганы, сравнительно с курганами всех позднейших заместителей, являются самыми большими.

„Ямный“ народ распространялся (по территории современной России) широким морем, захватывая всю область по низовьям рек Волги, Дона и Днепра, а иногда проникая и далеко к северу... Жил этот народ здесь очень долгое время. „Он имел культурную, еще не разгаданную, связь с отдаленным народом Восточной Сибири, оставившим на берегах р. Китоля, притока Ангары, памятники, характерные для конца неолитической эпохи“.

Таковы результаты работ в 1922 году по изучению курганов бронзовой эпохи, ранней ее поры, в районе устья р. Саратовки на левом берегу Волги.

II. Погребения в насыпи и на горизонте в курганах близ г. Покровска, Саратовской губ.

В связи с исследованиями, производившимися с целью выяснения характера и типа ямных погребений в курганах близ г. Покровска, пришлось одновременно встретиться и с погребениями, заключавшимися в насыпях и на горизонте—в основании тех же курганов.

Таких погребений пока открыто было мною еще немного, всего 5. Сюда же, в целях уяснения общей картины, можно присоединить еще одно погребение, открытое в третьей группе, за железнодорожной линией, П. Н. Шишкиным. Так как оно, вне всякого сомнения, теснейшим образом примыкает к другим покровским погребениям, то такое присоединение я считаю вполне допустимым. Подобно тому, как в отношении ямных погребений нам приходилось неоднократно привлекать материал, доставленный из Бахмутского и Изюмского уездов Екатеринославской губ., и систематизированный В. А. Городцовым, и в данном случае я обращаюсь к тем же наблюдениям, так как они поразительно отвечают тому, что было открыто и нами.

Прежде всего следует отметить ту же неустойчивость, в противоположность ямным, наблюдаемую как в типах погребений, так и в некоторых деталях погребального обряда. Это обстоятельство, конечно, свидетельствует, что в погребениях в насыпях и на горизонте принимала участие не только не одна народность, но и не в одно время. Уже В. А. Городцов заметил, что наряду с погребениями весьма древними, имеются такие, которые следует, быть может, отнести, например, к скифской эпохе. Таково погребение, сопровождавшееся находками конских удиц с псалиями, типичными для скифской культуры. В Саратовском крае мы также знаем подобный случай.

Обращаясь к нашим раскопкам, мы видим, что и здесь, прежде всего, покойники ориентированы не одинаково. Из пяти случаев— 2 покойника (курган № 3 в С.-З. и курган № 3 в Ю.-З. группе) положены головой к С.-З.; 2—к В. и 1—к С.-В. Об'единяющим их признаком, таким образом, будет признак отрицательный—отсутствие ориентировки к Ю. Другим характерным признаком можно считать положение покойника на левом боку и однажды—на спине. Общим же признаком является небольшая скорченность, свидетельствующая скорее о более позднем времени этих погребений.

Характерным для костяков признаком можно полагать долихоцефальность черепов и небольшой рост погребенных людей, что отмечается и в южно-русских курганах,—это общее для них наблюдение. Таким же является присутствие в погребениях коровы или овцы, небольшого количества угля и признаков дерева, а также посуды в виде отдельных черепков сосудов. Впрочем, сосуды—два, из которых один орнаментированный, а другой без орнамента, были встречены при детском костяке.

Краска и известь были встречены в минимальном количестве только в одном погребении (курган № 1).

Принимая во внимание все изложенное, приходится признать, что делать какие-либо выводы как о культуре, так и народности, хоронившей своих покойников в насыпях и на горизонте древних курганов, пока еще преждевременно. находка медного ножа или наконечника дротика, сделанная П. Н. Шишкиным, дает нам только право предполагать, что культура этой народности относится скорее к бронзовой эпохе, нежели к железной, и только.

В заключение я остановлюсь только на описании и возможном определении той керамики, которая нами была открыта в погребениях в насыпи и на горизонте.

Весь керамический материал состоит, таким образом, из трех черепков и двух сосудов, у которых во время совершения, повидимому, погребения, были отбиты днища с частью прилегающих стенок. Один из черепков имеет большое сходство (кург. № 4 в С.-З. группе) с керамикой Покровского селища. Он—красного цвета с одной стороны,

который получился от сильного обжига. Никаких признаков орнамента на нем не имеется, а работа представляется грубой. Другой черепок из того же погребения имеет черный цвет и грубо сглаженные стенки, опять таки до некоторой степени по характеру близкий керамике упомянутого селища. Этим они оба вызывают к себе большой интерес.

С другой стороны в нашем распоряжении имеются два сосуда. Один из них (тот же курган № 4, погр. I) черного цвета с острыми плечиками и слабо выраженным горлышком. На плечиках этих нанесен орнамент в виде городков или зигзагов, исполненных ямочками. По своей форме этот сосуд близко напоминает сосуд из раскопок в Бахмутском уезде, указанный под № 53 на стр. 243, т. I Тр. XIII Ар. С.*).

Что же касается второго сосуда, то он походит на сосуд, изображенный в цитированной работе по № 56, только совершенно без всякого орнамента или каких-нибудь знаков. Форма его обычная, баночная, без закраин. Цвет глины желтоватый. Оба сосуда плоскодонны и довольно грубой работы и выделки, особенно второй сосуд. Этот факт также совпадает с указаниями по тому же поводу, сделанными В. А. Городцовым. Аналогий им в керамике Покровского селища я пока не вижу, хотя по типу отдельных частей сосудов и характеру обработки не было бы невозможным делать попытки по объединению найденных сосудов с керамикой Покровского селища.

Сосуд, найденный П. Н. Шишкиным в раскопанном им отчасти кургане, также дает возможность допускать такое предположение.

Таким образом, несмотря на некоторую неопределенность, наблюдаемую в погребениях, в насыпях и на горизонте курганов, принадлежащих более древним народам, мы видим значительное сходство их с такими же погребениями в южно-русских степях. Та же неопределенность ориентировки, то же присутствие дерева и костей домашних животных, малый рост покойников, их долихоцефальность, сходство в керамических изделиях, постановка сосудов парами при костяках и т. п. деталях.

В заключение считаю долгом указать, что дальнейшее, уже специальное, изучение этих погребений представляется мне весьма желательным, так как той ясности, какая имеется теперь в отношении к культуре ямных погребений, пока еще не замечается.

III. Погребение в кургане № 2 (близ гор. Покровска с Юго-Западной его стороны).

В одну из поездок был раскопан курган, значащийся под № 2, в Ю.-В. группе.

Обычный по своей внешности в общих чертах, курган этот обращал на себя внимание лишь довольно значительным уплощением вершины, что и было отмечено своевременно до начала работы.

Помимо основного погребения, относящегося к типу ямных и заключавшего ориентированный к С. В. В. костяк мужчины среднего возраста, лежавшего на спине с широко распростертыми руками и согнутыми в коленях ногами, которые распались, образовав форму

*) Описанное погребение с подобным сосудом весьма возможно, относится к типу „срубных“. Аналогичные примеры видим в упомянутых раскопках В. А. Городцова.

ромба, в кургане оказалось коллективное погребение другой эпохи. Оно находилось под центром насыпи и представилось в следующем виде. На площади основания кургана, ближе к северной его половине, помещался очаг или жертвенник, сложенный в виде куба с округленными краями из докрасна местами обожженной глины. Сверху на очаге находился уголь, зола, мелкие кости животных и птиц. Перед очагом с западной стороны на площадке лежали также уголь и зола, кости животных, яичная скорлупа и черепки от разбитой глиняной посуды. Здесь же лежали куски дерева, один из которых носил следы зарубок и был, вероятно, частью какого то лотка, а один кусок имел форму половинки чашки или ковша.

С южной стороны у самого края очага находилась могила, имеющая своеобразную форму в виде неправильного продолговатого шестиугольника, напоминавшего, отчасти силуэтом своим кувшин с суживающимся горлышком. В могиле лежал прекрасно сохранившийся костяк женщины лет 35, ориентированный к Ю.-Ю.-З. в вытянутом положении. Справа от головы покойницы стоял сосуд светло-коричневого цвета глины и имевший весьма простую, обычную форму кринки. С другой стороны головы, слева, стоял маленький темно-коричневого цвета широкий сосудик с плоским дном, округленными стенками и слегка выдающейся закраиной. Вместо ушков имеются четыре, одна против другой, выпуклины. Позади головы покойницы, за теменем, лежала большая костяная, хорошо обработанная, булавка. Под костяком был замечен зеленоватого цвета тонкий слой, вероятно, тлена от одежды или подстилки. В головах могилы, вне ее, лежали бедра бараньи кости. Вдоль могилы, в том же Ю.-Ю.-З. направлении на площадке лежал костяк другой женщины, лет 50, в вытянутом положении (череп того и другого костяка — брахицефальны). На левой руке покойницы находился железный плоско-выпуклый браслет. Перед очагом, ногами касаясь края могилы, ориентированные к Ю.-З. лежали два костяка подростков, лет по 12—14, брошенные как бы небрежно, один на другого или же тесно рядом, так что кости их перемешались. Костяки были несколько скорчены и у одного из них черепа не оказалось вовсе, а у другого был запрокинут, приходясь теменем вниз, по направлению к ногам. Вокруг и под костяками повсюду были в значительном количестве уголь и зола, а также мелкие кости животных и, частью, черепки глиняной посуды. Последние, разбросанные по всей площади кургана, составляли, по видимому, только один сосуд. В насыпи кургана попадались также черепки и кости животных.

Судя по всей картине, открывшейся перед нами, мы имеем здесь довольно необычную форму погребального обряда для курганов Саратовского края. Вообще, она характерна, как форма погребения с принесением жертв и совершением тризны. На первое я вижу указание в виде двух покойников, брошенных перед очагом, их, вероятно, судя по положению и деталям, убили в момент уже совершившегося жертвоприношения, состоявшего из животных и птиц. Они лежат на остатках костра, но уже потухшего, т. к. следов обжига костей не имеется. На тризну указывают те же мелкие кости, яичная скорлупа и черепки посуды, найденные не только на площадке, но и в насыпи, в нижних ее слоях, главным образом. Тризна происходила здесь же, но вне кургана, после чего остатки ее и попали вместе с землей в курган. Женское погребение, лежавшее вдоль могилы, параллельно покойнице, ради которой совершалась церемония, также, вероятно,

относится к жертвоприношению. Возможно, что пожилая женщина была рабой, принадлежавшей умершей женщине.

Деревянные предметы служили, вероятно, в качестве посуды при совершении погребального обряда, а часть туши барана была положена около могилы в качестве пищи, равно как с тою же целью, очевидно, были поставлены сосуды в могилу. Будучи обыкновенным, как обряд погребения, включавший в число обычаев при его совершении человеческие жертвоприношения, описанный выше обряд не поддается, однако, точному определению в отношении к народности и времени. В нашем распоряжении слишком еще мало материала. Впрочем, я попробую сделать попытку подойти хотя в некоторой степени к этому вопросу, как со стороны археологической литературы, так и тех археологических памятников, которыми обладает Саратовский Археологический музей и Кабинет Археологии Университета.

Литературные сведения, которые могли бы натолкнуть нас на разрешение вопроса о культуре, открытой в кургане № 2, довольно скудны. Имевшиеся в моем распоряжении археологические труды дают только одну пока возможность привлечь заключающиеся в них сообщения к нашим раскопкам. Так в Тр. XII Арх. Съезда (т. I, стр. 434—492) мы имеем описание раскопок Салтовского могильника. Как известно, могильник этот предположительно приписывается хазарам *) и относится к VI—VIII веку, главным же образом, к VIII-му, при нем монеты встречаются и V века. При этом устанавливается связь его культуры с кавказской культурой того времени. Какие же имеются основания привлекать именно этот материал к нашему вопросу? Конечно, основания эти в значительной своей части недостаточны и, если я и делаю эту попытку, то лишь в качестве рабочей гипотезы, которая может в известной степени пролить свет на курган № 2.

Я не буду в точности описывать салтовскую культуру и типы погребений, встречаемые на Салтовском могильнике и ограничусь указанием, что тип погребений там—могила в катакомбе с ходом в виде открытого корридора—траншеи. Покойники лежат головой к Ю., в вытянутом положении, имея в головах сосуды и кости молодых животных, напр., барана, главным образом, бедра. Под покойниками бывает, хотя и не всегда, слой угля и иногда встречаются также остатки одежды. Посуда, помимо характерных *салтовских* кувшинов, бывает также и из черно-серой глины „в виде небольшой кружки или маленького горшечка с более или менее прямым горлышком“ (стр. 476)... Орнамента по большей части нет совсем. Для нас приобретает особенный интерес небольшой подобный описанный сосудик, изображенный на табл. XXIV, под № 115. Он на рисунке совершенно сходен с одним из сосудов, бывших в могиле кургана № 2.

Отметим также, что детские погребения показывали согнутость ног у покойников.

Вот, в сущности и все, что имеет некоторый интерес для нас. Если теперь мы вспомним погребение в кургане № 2, то увидим, что здесь мы не имеем погребальных камер. Однако зато форма могилы весьма интересна и своеобразна.

Характерной чертой, сближающей курган № 2 с Салтовскими курганами, является коллективное погребение женщин и детей. Затем характерной же следует считать одинаковую ориентировку к Ю. и некоторую согнутость ног у подростков, а также слой угля и золы под покойниками—зола и уголь были и в самой могиле,—важно также присутствие костей молодых животных.

*) Быть может, аланская культура?

Вот, в сущности, все, что можно сказать по поводу литературных данных, какие могли быть привлечены для разрешения нашей загадки.

Однако, я не могу этим ограничиться. В моем распоряжении есть, как я уже сказал выше, и археологические памятники, обязывающие и их привлечь к вопросу.

Дело в том, что в Саратовском музее имеется керамика, напоминающая внешним своим видом и качеством глины керамику кургана № 2. Я имею в виду сосуд из кургана близ с. Нижней Добринки, Камышинского уезда. Если мы сравним наш другой, большой сосуд с вышеупомянутым горшком из раскопок Нижнедобринских курганов, то заметим несомненное типологическое их сходство, как по общей форме, так и по глине. Некоторое сходство в глине замечаем и с сосудами из Саламатина, отнесенными А. А. Спицыным к Аланско-Сарматским. Что же касается Нижнедобринских вещей, то они скорее всего принадлежат, как и большедмитриевские, к сарматским, входящими в культуру Северного Кавказа, находившуюся под влиянием римской культуры II—III века.

Таким образом, мы, подходя с той и другой стороны к данным кургана № 2, видим нечто общее, хотя, разумеется, не полностью. Именно, время, приблизительно, совпадает это—III—V века. Затем в том и другом случае имеются указания на влияние Кавказа. Сосуд из кабинета Археологии Саратовского Университета, сходный с вышеописанным, также относится к началу средней поры железной эпохи.

Вот пока и все, что, как мне кажется, можно было бы сказать о культуре, представленной данными раскопки покровского кургана № 2.

За неимением больших материалов что-либо более определенное я сказать не решаюсь.

В заключение полагаю, что мы имеем в указанной культуре скорее всего одну из культур, идущих с Кавказа теми же путями, какие привели к нам культуру курганов большедмитриевских, т. е., Сармато-римскую, возможно, Аланскую или же иную, принадлежащую неизвестной пока нам народности III—IV века по Р. Х.

IV. Разведки по р. Саратовке, Покровского у., Саратовской губ.

Река Саратовка, протекая по Покровскому уезду, Саратовской губ., пересекает его с В. на З. до рч. Каюковки, впадающей в Волгу. Длина Саратовки равна, приблизительно, 40 в. Берега ее очень извилисты, а глубина незначительна, но постоянна на всем ее протяжении, имея в сентябре месяце, в среднем, до 1 арш., а при устье гораздо более. Весной же река широко разливается, поднимая свои воды до высот ее старых, очень высоких берегов. Саратовка—река рыбная и отличается чистой и приятной на вкус водой. Широкая поемная долина с уходящими в даль берегами напоминает о прежнем, вероятно, большем, значении реки. У самого устья Саратовки, на мысу, образованном как бы слиянием рек, находится известное городище Старого Саратова, отмеченное поставленным на нем в память 300-летия со дня основания города деревянным крестом. На этом городище бывали неоднократные находки всякого рода вещей старого

быта, в роде замков, ножей, перстней, фрагментов посуды и т. п.*). Здесь же видны ямы от старых построек.

Непосредственно к городищу на правом же берегу, около моста, примыкает небольшая площадь, изрытая ямами, где добывалась глина, в разрезах которой обнаружены погребения, относящиеся, по видимому, к позднему времени, быть может, эпохе Старого Саратова.

Несколько выше по реке, саженьях в 100—150 от моста, на левом берегу, расположена курганная группа в 10—15, а может быть и более, насыпей, частью совершенно заплывших. Курганы лежат на высоком берегу и представляют собою полушарной, расяльчатой формы насыпи, с яминами иногда на вершинах; судя по результатам раскопок, можно приписывать эти курганы к таким, которые содержат типы ямных, в насыпях и на горизонте погребений. Против городища Ст. Саратова при устье Саратовки, ниже курганной группы саж. на 200—250, находится известное Покровское селище или „зольник“, относимое к бронзовой эпохе.

Верстах в 4 на правом берегу реки находится дюна, называемая Прапорским бугром. Окруженная с трех сторон высыхающим летом ручьем, дюна эта представляет собою небольшой островок и в настоящее время сильно выдувается ветром. На поверхности дюны повсюду находят орудия из кремня, как-то: обломки ножей, наконечники стрел, скребки, нуклеусы и простые осколки, фрагменты керамики, по видимому, неолитической и бронзовой эпох, а также золотоордынские монеты и черепки посуды.

В дюне, вытянувшейся с В. на З. и дающей находки, главным образом, в зап. и в сев.-зап. сторонах, нами была сделана выемка в виде траншеи 2×4 ар., показавшая наносный слой песка до 1 ар. 4 в., ниже которого шли правильные напластования глины и песка. Находок никаких сделано не было. Здесь же, неподалеку от траншеи, были обнаружены на песке, обнаруженные ветром, остатки костра, в угольном слое которого были найдены черепки посуды татарской эпохи. Выше Прапорского бугра, саженьях в 250—300, впадает в Саратовку с правой стороны рч. Грязнушка, обладающая также древними высокими берегами и значительной долиной. На правом ее берегу, верстах в двух, перед виднеющимся вдали с. Генеральским заметны два кургана.

Между Грязнушкой и Саратовкой тянутся дюны, выступающие мысом по направлению к Саратовке. Дюны эти засажены ивняком и сосной, а потому почти не раздуваются ветром, за исключением отдельных, очень небольших участков. На них собраны незначительные обломки кремневых орудий. В прежние годы на этих дюнах находили больше орудий и крупнее размерами. В четырех верстах от истоков Саратовки, на правом же берегу, в 30 саж. от реки расположена небольшая курганная группа на распаханном поле. Уцелело от распашки шесть курганов. Судя по внешнему виду, можно полагать, что курганы этой группы аналогичны по содержимой в них культуре с курганами покровских групп, одна из которых была описана выше. Вдали, верстах в шести, выше по течению, у самых истоков виден большой курган. Недалеко от курганов найдены на берегу черепки посуды золотоордынского типа.

Спускаясь по левому берегу вниз по течению, в ручье, впадающем и Саратовку против дюн, лежащих между Грязнушкой и Саратовкой, найден обломок кости мамонта. Верстах в шести—восьми против

*) См. коллекции Сар. Арх. Музея.

тех же дюн, в степи, видны два большие кургана, похожие по общим очертаниям с указанным курганом на правом берегу, у истоков реки. В Ю.-В. стороне от Покровска, у ветряных мельниц, расположена курганная группа, состоящая из многих десятков курганов, часть которых исчезла или постепенно исчезает. Начинается эта группа у кладбища. Судя по раскопкам, здесь мы имеем ту же культуру, какая известна нам в курганах с С.-В. стороны Покровска, у самой реки. Кроме того, в кургане № 2, здесь была открыта культура более поздняя, возможно, III—IV века по Р. Х., а в кургане № 1—IX—XI в., относящаяся, вероятно, к половецкой.

Кроме того, за железнодорожной насыпью, имеется еще одна группа курганов, давшая в одном из них впускное погребение типа погребений в насыпях и курганы поздние XVIII в., принадлежащие калмыкам. На берегу Волги между городской и железнодорожной пристанями местного пароходства указывают на находки костяков, относящихся также к бронзовой эпохе.

Таким образом, подводя итоги разведки, можно прийти к некоторым выводам.

Берега Саратовки в районе 10—верстной полосы были обитаемы, как видно со времени неолитической эпохи. Продолжал человек обитать здесь и позже, в течение всей бронзовой эпохи и затем железной, вплоть до нашего времени.

Так в этом районе обнаружены каменные орудия на дюнах, следы бронзовой эпохи на Покровском селище, культура ранней поры этой эпохи в ямных погребениях, а также более поздняя в погребениях в насыпях и на горизонте. Затем курганы дали культуры, видимо, первой половины I тысячелетия нашей эры, и далее культуру Золотой Орды. Наконец, в городище Старого Саратова видим древнюю культуру XIV—XVII в. и калмыцкую—XVIII в.

Что же привлекало сюда население? Очевидно, характер р. Саратовки. Эта река, сравнительно небольшая и рыбная, не могла не остановить на себе внимания древнего человека, охотника, позже скотовода-кочевника.

Возможно, конечно, что были и еще другие, неясные для нас, причины, привлекавшие сюда в течение столь долгого времени людей. Во всяком случае, Покровский район, входящий в бассейн Саратовки, заслуживает самого серьезного внимания со стороны археологов. С другой стороны, этот район желательно сопоставить с другим, соседним, лежащим южнее, вниз по Волге и находящимся против Увека расположенного на правом ее берегу.

В заключение, я думаю, что при дальнейших обследованиях, нам придется установить факт заселения левого берега Волги в связи с впадающими в нее реками. Эти районы, интересные каждый в отдельности, дадут, вероятно, в конце концов общую картину характера колонизации Заволжья.

V. Археологические разведки в Хвалынском уезде, Саратовской губ.

Постановка на очередь среди других археологических работ летом 1922 г. поездки с целью производства разведок в Хвалынском у., Саратов. губ., объясняется выяснившейся необходимостью детально ознакомиться как с коллекциями Хвалынского музея, так и с некоторыми местами в уезде, где прежде были произведены обследования

и раскопки. В результате посещения Хвалынского музея программа разведок была принята в следующей окончательной форме: 1) Ознакомление с коллекциями Хвалынского музея; 2) выяснение условий находки известного клада бронзовых предметов близ с. Сосновой Мазы, в 16 в. от Хвалынска; 3) посещение с. Старой Яблонки в целях: выяснения места находки бронзового топора с вислым обухом, хранящегося в Хвалынском музее, осмотр Липового оврага для определения городища № 17, открытого М. А. Радищевым, которое, как нам казалось, не может быть городищем, судя по его отличному от прочих городищ местоположению и керамике, там находимой; 4) Посещение с. Ивановки в целях выяснения условий раскопки, произведенной В. Ф. Ореховым в 1913 году, давшей как срубную культуру, так и намеки на какую то иную культуру, и осмотр предполагаемой неолитической стоянки на левом берегу Волги в местности, называемой „Лбищем“ и 5) осмотр правого берега Волги от Ивановки до Хвалынска.

В результате ознакомления с коллекциями Хвалынского музея выяснилось, что одним из наиболее интересных районов можно считать окрестности с. Ст. Яблонки, где сосредоточивается целый ряд предметов, обращающих на себя особенное внимание исследователя. Здесь мы видим городища № 11, 13, 17 и 18, находки вещей в Липовом овраге—медный шлак, бронзовый топор с вислым обухом, бронзовый кельт и др., а также указания на керамику типа керамики Покровского селища. Я не говорю уже о неолитической стоянке № 3 и мордовском могильнике. Кстати замечу, в церковной ограде этого села до сих пор сохранился огромный дуб, 5 аршин в обхвате, под которым молилась, по преданью, мордва.

Эти обстоятельства поставили на очередь при нашей разведке более широкое обследование указанного района, нежели предполагалось.

Первый маршрут был направлен на с. Сосновую Мазу. Здесь удалось розыскать крестьянина Алексея Тимофеевича Токарева, который вместе с братом открыл знаменитый клад. Привожу его сообщение по этому поводу. „Клад был найден братом моим в горах, в Кучугурах, верстах в 2—2¹/₂ от села, во время вешнего посева, когда брат, поворачивая плуг, зацепил в канавке—промоине от весенней воды за грудку медных вещей. Их нашли больше, чем сдали начальству, т. к. соседи много вещей растащили. Позже приезжал М. А. Радищев и все кругом перерыл, но нашел только маленький кусочек меди“.

23-го июня я отправился на место находки и лично вместе с А. Т. Токаревым, осмотрел местность. Она находится верстах в 3 от с. Сосновой Мазы к С.-З. от гор или Кучугур у самой дороги (летней) в с. Елшанку на меже Токаревых. Здесь замечается пологий спуск пашни к промоине, образованной вешними водами. Вот на этом то спуске, у под'ема, в начале пашни, и зацепил плугом, при повороте, брат Токарева вещи клада.

Дальнейший осмотр не дал никаких оснований рассчитывать, что здесь могла быть какая либо стоянка. Напротив того, местность эта прежде совершенно, вероятно, ровная, примыкая к холмам, вряд ли могла быть удобной для жилья, хотя бы и кратковременного. Скорее всего клад этот был зарыт случайно, как случайно и открыт.

Второй маршрут имел целью обследование района с. Старой Яблонки. По прибытии в указанное село мы отправились к Липовому ручью, протекающему по Липовому оврагу, к месту его впадения в

Волгу. Овраг этот имеет высокие берега, круто спускающиеся к ручью. Вплоть до обрывов поля запаханы. На левом берегу этого оврага при впадении в него первого, считая от Волги оврага, была обнаружена площадь, засеянная хлебом, на которой были собраны нами черепки с рогожным орнаментом. На правом берегу того же, Липового оврага, обнаружено в 50—70 саж. от Волги другое место, на котором мы собрали в небольшом количестве черепки с орнаментом зубчатым и псевдозубчатым. Черепки эти по типу скорее приближаются к Покровским. Таким образом, не удалось отыскать насыпи с углем и золой, где был найден топор с вислым обухом, но вместе с тем удалось установить несомненные признаки древней жизни на берегах Липового оврага. Здесь же пришлось говорить с рыбаками, живущими у Липового оврага при бакенской сторожке № 4, которые рассказали нам, что верстах в 2-х от Волги по оврагу были прежде находимы медные ножи, серпы и черепки, а кроме того, в саду Жукова, расположенном в Горелом Доле, составляющем продолжение Липового Дола,—отсюда идет Липовый овраг и вытекает Липовый ручей,—было открыто погребение человека с медным кинжалом. Дальнейший осмотр привел нас в Липовый Дол, где расположено, по сведениям М. А. Радищева, городище № 17.

Осмотр этого памятника показал, что предположения наши были правильны и что перед нами имеется селище типа Покровского, но в значительной степени уничтоженного вешними водами, унесенными его почти целиком в овраг. Вместе с тем выяснилось, что стоянки, замеченные Радищевым по сторонам „городища“ не что иное, как одна общая площадь селища, только разделенная овражками. Местность эта довольно обильно покрыта черепками, при чем, случайно были найдены черепки с рогожным орнаментом, а остальная масса—типа покровских черепков. Находки фрагментов с рогожным орнаментом объясняются близостью городища № 18 на Липовой горе, у подножья которой мы собрали также несколько штук черепков с рогожным орнаментом. Замечу, что почва могла свободно сдвигаться с горы к оврагу и принести черепки иного типа на селище. Культурный слой селища № 17 немногим более одного аршина, будучи и в этом отношении сходен с культурным слоем Покровского селища. В этом слое, кроме черепков, были найдены кости животных, местами уголь и зола, и одна поделка из кости в виде проколки. На крупных черепках заметны значительные слои сажи. Орнамент черепков, сходный, как уже было сказано выше с орнаментом Покровских, разделяется на резной и чеканный—зубчатый, ямочный, причем иногда замечается богатый узор, например, в виде параллельных резных линий, прикрытых перпендикулярными или в виде крупных квадратов.

Кроме того, найдены черепки крупной посуды, стенки которой были сглажены пучком травы или каким-то широким инструментом в роде щепки.

Учитывая все находки, сделанные в районе Липового ручья, т. е. в Липовом овраге, Липовом и Горелом долах, следует сделать вывод о значительной заселенности в бронзовую эпоху этой долины. При этом указание на находку погребения человека с медным кинжалом ставит опять-таки вопрос о связи „Хвалынской“ культуры с культурой срубной.

Возможно предполагать также и то, что в будущем при специальных здесь работах выяснится вопрос о местных мастерских для изготовления медных орудий, о чем предположительно писал В. А. Городцов, замечая неполную отделку предметов из бронзы, находимых в

Хвалынском уезде. В Липовом овраге, как и в Сосновой Мазе, найдены куски медного шлака. Факт—сам по себе большого значения.

Другая, поставленная мною задача, ознакомиться с „загадочными“, как писал М. А. Радищев, насыпями близ городища № 11 на Песчаной горе не была нами выполнена, по невозможности получить своевременно справки о месте ее нахождения.

Впрочем, обследование городищ должно войти в особый план работы, т. к. почти все они дают основания предполагать присутствие на них двух разных культур, а не одной, как об этом обычно думают, а, именно, мы, вероятнее всего, встретим там культуру, характеризующуюся рогожной керамикой и культуру, характеризующуюся черепками типа керамики Покровского селища.

Третий маршрут имел целью выяснить вопрос о неолитической стоянке на левом берегу Волги против с. Ивановки, в местности, носящей название „Лбище“, причем у нас возникло большое сомнение в действительном существовании названной стоянки или мастерской.

Второй задачей этого маршрута было ознакомление с местом раскопок, произведенных В. Ф. Ореховым на церковной земле с. Ивановки *) и, наконец, третьей задачей был осмотр правого берега Волги от с. Ивановки до Хвалынска.

По прибытии в с. Ивановку, мы переправились через Волгу на „Лбище“. Осмотр местности показал, что Волга здесь делает крутой поворот вправо, ударяясь о выступивший левый берег, мыс которого и носит название „Лбища“. Глинистый берег его сменяется песчаной отмелью непосредственно за тем, как оба берега принимают параллельное направление. Вот на этих то песчаных отмелях и лежат в большом количестве окатанные водой кремни, кости мамонта, осколки современной стеклянной посуды и пр.

Разрешив в отрицательном смысле вопрос о возможности стоянки каменного периода на Лбище, мы отправились вдоль берега р. Волги и за селом обнаружили небольшую стоянку, характеризующуюся незначительным количеством черепков, из которых большая часть принадлежит к гладким, от крупных сосудов, со сглаженными известным способом стенками, один—с чеканным орнаментом и один, случайный, татарский.

Стоянка, отмеченная и исследованная В. Ф. Ореховым, в настоящее время представляет низкий берег (как впрочем и прежде), в виде двух небольших мысов, выдвинувшихся над бичевником и разделенных отдолком, отходящим от Волги по направлению к высотам по линии Ю.-З. Этот отдолок имеет протяжение до дороги из с. Ивановки в Хвалынск, находясь от него на расстоянии верст 6, и имея протяжение на 388 шагов до телефонной линии у дороги. Расстояние отсюда до р. Черемшана равно 300 саж. Здесь было собрано значительное количество черепков исключительно покровского типа, а также один стертый бронзовый наконечник копья или ножик. Орнамент на черепках глиняной посуды, как я уже сказал выше, по общему характеру однотипен, будучи разнообразным по выполненным узорам. Весь он относится к отделу резных и чеканных, как это имело место в отношении к черепкам на селище № 17 (городище у М. А. Радищева).

*) См. Тр. Сар. Уч. Арх. Ком. вып. 33, стр. 39—59.

Обращает не себя внимание черепок с крупными чеканными параллельными, широко одна от другой размещенными, линиями, затем черепки от сосудов, какие были найдены Ореховым при погребении и характеризуются орнаментом в виде выпуклой веревочки по ободку, причем веревочка эта изготовлена посредством нанесения резьбы крестиками на выпуклую полоску глины.

Здесь же найдены черепки от известных сосудов со сглаженными стенками. Один черепок имеет характерный орнамент, нанесенный гребенчатым инструментом по стенкам, начиная от выпуклого края. Весьма интересной следует признать находку половинки глиняного круга, служившего, скорее всего, в качестве крышки для сосудов средней величины.

Продолжая далее движение по пути к Хвалынску, мы, помимо стоянки у Южного оврага, у р. Черемшана, обнаружили неизвестную В. Ф. Орехову стоянку на правом мысу у впадения р. Черемшана в Волгу, которая дала нам черепки татарской орнаментированной посуды. Такие же черепки обнаружены были в Черемшанском овраге, в обрывах берегов которого нам пришлось видеть остатки древнего мордовского могильника XIV века, упоминаемого М. А. Радищевым.*) Здесь между прочим обнаружен был костяк ребенка.

На этом были закончены наши разведки, охватившие район, определяемый точками: Хвалынск, Сосновая Маза, Черемшан, Подлесная, Ст. Яблонка, Ивановка. Всего пройдено было 100 с лишним верст.

Подводя итоги работы, возможно сделать следующие выводы.

1. В Хвалынском уезде имеются несомненные следы стоянок неолитической эпохи.

2. Предполагаемую стоянку каменного периода на левом берегу Волги против с. Ивановки таковой признать нельзя.

3. Сосново-Мазинская находка действительно является только кладом, не связанным непосредственно с какими-либо другими памятниками.

4. Городища, открытые М. А. Радищевым, требуют особого изучения, так как дают явные доказательства присутствия двух разных культур.

5. В частности, городище № 17 не является городищем обычного Хвалынского или Городецкого типа, но селищем или стоянкой типа Покровского селища.

6. Район с. Ст. Яблонки представляет особый интерес, требующий специального его обследования в целях выяснения, быть может, весьма важных вопросов относительно культуры „Хвалынской“ и той, которая представлена Покровским селищем.

7. Стоянка на церковной земле с. Ивановки дает определенную культуру типа Покровского селища и, таким образом, культура срубная еще с большим успехом может быть связываема с культурой Покровского селища и селища № 17 в Липовом долу.

8. В Хвалынском уезде имеются следы скифской культуры.

Из всего изложенного выше следует, что одной из очередных задач при изучении культуры бронзовой эпохи в Саратовском крае является изучение и обследование Хвалынских городищ и, в особен-

*) См. Тр. Сар. Уч. Арх. Ком. вып. 31, стр. 149 и д.

ности, района с. Ст. Яблонки, где имеется городище № 13. Дальнейшей задачей должно быть выяснение вопроса о существовании скифской культуры в Хвалынском у.

В заключение считаю приятным для себя долгом выразить признательность Завед. Хвал. Музеем К. Ю. Гроссу за гостеприимство и полное содействие нашей работе.

VI. Заключительный обзор результатов археологических работ в 1922 году.

Таким образом, подводя общий итог работам, выразившимся как в разведках, так и в раскопках, я буду, по возможности, краток, преследуя лишь одну цель—дать сжатую картину, полученную в результате всей летней деятельности по изучению древних культур в Саратовском крае, уже издавна привлекавшем к себе древнего человека. Обилие лесов и воды, а также и пастбищ в Заволжской стороне, были условиями, пренебречь которыми, разумеется, было трудно.

Вот почему мы уже в неолитическую эпоху встречаем здесь население, ютящееся по берегам рек и на дюнах. Стоянка № 3 в Хвалынском уезде, некоторые указания и на другие места там же, а равно Прапорский бугор и соседняя дюна на р. Саратовке дают хороший материал для суждения о неолитической культуре Саратовского края. Не следует, конечно, забывать и других мест в Нижнем Поволжье, дающих те же результаты после ознакомления с ними.

Древнейшие культуры бронзовой эпохи также широко представлены в Нижнем Поволжье. Я имею в виду как курганы древнего типа с вершиной в северной поле насыпи, содержащие ямные погребения со скорченными и окрашенными костяками, так и отдельные находки бронзовых предметов.

Ямные погребения, найденные около г. Покровска, относятся к наиболее древним, которые прежде склонны были относить даже к неолитической эпохе.

Я бы затруднился пока утверждать, что ямная культура была здесь сменена культурой катакомной, как это мы видим на юге России. Однако, известные намеки на эту культуру мы видим, например, в некоторых предметах, найденных в кургане первой группы под Покровском (в С.-З. гр.), раскопанном С. А. Щегловым, затем в катакомбного характера яме в кургане № 2, раскопанном мною в 1922 году, и в Царицынском кургане, раскопанном техником Черновым. Во всяком случае катакомбная культура имела место в Саратовском крае, особенно, если принять здесь во внимание ряд отдельных находок. Это тем более вероятно, что указания на кавказское влияние,—а катакомбная культура идет с Кавказа—у нас имеются. Напомню, например, находку сосуда урартийского типа, сделанную в конце XIX в. в кургане Саратовского уезда, бл. дер. Песчанки.

Зато срубная культура, сменившая в южной России культуру катакомбную, оставила в Саратовском Крае многочисленные и несомненные следы в виде курганов в Хвалынском уезде. Народ ее оставивший, был, повидимому, земледельцем и скотоводом. Весьма возможно, что срубная культура, явившись в Нижнее Поволжье с Востока, была здесь раньше катакомбной. Впрочем, вопрос этот пока нельзя считать скольконибудь решенным. Намеки на срубную культуру мы видим и близ г. Покровска.

Одновременной срубной, мне кажется, была культура, которой дается наименование *Хвалынской* и которая характеризуется известными кинжалами, серпами и кельтами из находки клада близ с. Сосновой Мазы, в 16 в. от г. Хвалынска. Я не буду здесь останавливаться на этой культуре, и только укажу, что она, повидимому, продвигается к югу, встречена в Даниловке, Камышинского у. Вероятно, в это время в крае была значительно развита металлургия, судя по всем имеющимся данным. Влияние Сибири и Средней Азии сказываются весьма заметно в Хвалынской культуре.

Конец бронзовой эпохи также имеет место в Саратовском крае. Тому доказательствами следует считать погребения в насыпи и на горизонте, открытые в Покровских курганах.

Такой представляется мне картина далекого прошлого Саратовского края. Конечно, еще многое не выяснено, многое потребует дополнений и изменений, но общая схема уже намечена и, думаю, что схема эта сохранится и при дальнейших исследованиях.

Мне остается отметить только еще последующие находки, бросающие известный свет на прошлое нашего края. Здесь, несмотря на то, что мы имеем ряд исторических источников, многое недостаточно ясно. Так, например, Хвалынский уезд дает нам ряд находок, характерных для скифской культуры, имеются намеки на культуру V в. по Р. Х., связанную с культурой Минусинского края, затем весьма интересной является культура, открытая нами в кургане № 2 (в Ю.-В. Группе у Покровска).

Наконец, повсюду находились следы татарской эпохи.

Правильную постановку исследования прошлого Саратовского края я вижу в постепенности изучения его культуры, начиная с древнейших времен. Край, о котором в далеком прошлом нет никаких достоверных известий, должен быть прежде всего подвергнут изучению именно в той области, где мы знаем менее всего.

При этом я думаю, что изучение этого прошлого должно быть продолжено самым настойчивым образом, так как в нем таятся любопытнейшие данные, касающиеся не только Саратовского края, но и гораздо более широких областей Восточной Европы.

Мне кажется, что многие вопросы археологии средней и южной России могут именно здесь найти свое разрешение.

Проф. П. Рыков.

Древне-еврейские монеты в заволжской степи.

Исключительно благоприятные условия, при которых в течение более 20 лет поддерживалась живая связь со всеми любителями местной старины на территории от Самарской луки до Царицына в одну сторону и от Дона до Урала, в другую, позволяют автору этой заметки заявить во всеуслышание: факт глубокого проникновения в этот край античных и им современных монет ныне установлен прочно. О какой либо „случайности“ — не может быть и речи: монетам соответствует курганный инвентарь, содержащий образцы римско-сарматского и римско-египетского типа. Документально проверенных монетных находок и кладов зарегистрировано 27, хронологически они обнимают период от—III до+IV века и по месту чекана делятся на: греческие, колониальные, римские, парфянские, иудейские и 1 медаль, выбитая в Египте в 1 веке, что синхронично открытым в раскопках: керамике и ожерелию из скарабеев. Более того, твердо установлена топография их распространения по рекам В.-Донского и Урало-Волжского водоразделов, почти сквозной водной системой соединяющих культурные очаги Черноморья с южным Приуралием, при чем дальнейший путь проникновения уже намечается и по ту сторону Урала.

Размеры заметки позволяют остановиться лишь на одной из самых малых групп, именно древне-еврейских монетах, для нас, исследователей края, явившихся полной неожиданностью и лишь в самое последнее время, что дает надежду на возможность дальнейших находок.

Пока их только две: обе найдены при совершенно тождественных географических и археологических условиях, но разница в их возрасте очень велика — более 160 лет.

Местность:—Левобережная степь, Обл. Немцев Поволжья, верховья притока Волги—р. Тарлыка, около 60 верст на Ю-Ю-В от Саратова, окрестн. колонии Фрейзенгейм.

Одна из бесчисленных в этом крае дюнных стоянок; содержит бронзовые и железные предметы, не выясненную точно керамику, кухонные остатки Золотой Орды XIV ст.

Перемежающийся горизонт находок с обычным смешением культур. Поиски производились школьниками под руководством сельского учителя.

Первая находка в 1920 г. весной; в числе массы предметов и поздних монет, среди которых несколько т. наз. „Мордовок“.

Медная, велич.= $\frac{1}{4}$ коп. вып. 1900 г., но тяжелее. На *avers'e* изображение листа виноградной лозы с закрученным усиком, на *reverse* священный сосуд.

Надписи: на одной стороне „Год второй“, на другой „Свободы Сиона“. Время чекана—восстание евреев против римлян, —67—68 по Р. Хр.

Вторая найдена в сентябре 1921 г., при тех же обстоятельствах. Размер и вес почти одинаковы.

На „*avers'e*“: внутри оливкового венка: *lahohannan Hakohen Hagadol Vecheber Hajehudim*, что значит: „Цоһаһһаһ первосвященник и Совет Иудейский“.

На reverse:—два скрещенных рога изобилия, посредине их—маковая головка, как эмблема плодovitости еврейского народа. С боков рогов ниспадають перевязи. Вокруг—бусовой ободок.

Надпись выполнена самаритянским шрифтом. Выбита при Ианне Гиркане, 135—106 г. до Р. Хр. При этом правителе по причине тяжелого экономического кризиса чеканились только медные деньги.

Небезинтересно, что группа серебряных парфянских монет и римско-египетская медаль из того же района датируются периодом:— I—II века, что совпадает с древностью упомянутого уже ожерелия из скарабеев и керамических изделий из курганов бл. реки Карамана.

Б. Зайковский.

Обе монеты изданы И. Холодковским в его работе „Древле-еврейские монеты“—напеч. в журнале „Старая монета“ за 1912 год: первая в № 3, а вторая в № 4 (с рисунками).

Курганы на общественном выгоне г. Покровска.

Исследованная в небольшой своей части группа курганов расположена к юго-востоку от города за линией ж. д. Распашка их заставила меня вскрыть те, которым грозило быстрое и бесследное исчезновение. Кирпичные заводы, уничтожающие их, побуждали также к их раскопкам.

8 июня 1914 г. членами СУАК Щегловым, С. А., Черновым, С. Н., и мной было произведено вскрытие 3 курганов. 2 из них находились на краю карьера кирпичного завода Куценко и один на выгоне.

Со смертью С. А. Щеглова дневники утрачены и неполную картину раскопок восстанавливаю по случайно оставшимся у меня, частью черновым, запискам. Вскрытие производилось силами слушателей воскресных школ г. Саратова.

Курган № 1 находился на краю карьера, где до $\frac{1}{3}$ его насыпи было эрезано заводом, берущим глину для выделки кирпича. Раскопка велась под руководством С. А. Щеглова. Уцелевшая часть кургана с С. на Ю. имела 6 саж., с В. на З.—9 саж. при высоте $1\frac{3}{4}$ аршина. На глубине 2 арш. 2 вер. в могильной яме размером 2 арш. 15 верш. на 1 арш. 2 верш. находился скелет человека, обращенный головой на Ю.-З. и „лицом, наклоненным на правый бок“. По правую сторону от костяка найден фрагмент глиняного сосуда „типичного для медного века“ (?) Положение прочих костей не указано и имеется лишь краткое замечание С. А.: „Положение костяка сфотографировано“.

Курган № 2 находился на краю того же карьера к югу от 1-го. Подобно 1-му северная часть его насыпи срезана заводом, в южной части грабительская яма. Размер оставшейся части с С. на Ю.—5 метр. 25 сант. и с В. на З.—7 25 сант. высота 50 сант. Курган вскрывался колодцем, размеры которого не указаны в уцелевшей у меня части записей. На глубине 86 сант. обнаружен скелет собаки, обращенный головой на восток. Труп был положен на левый бок с вытянутыми вперед конечностями. На глубине 144 с. тонкий слой золы и мелкие обожженные кости, последние в небольшом количестве, а форму пятна установить не представлялось возможным при наличии среза северной части насыпи кургана заводом, а в южной части уничтожила слой грабительская яма.

В насыпи на разной глубине встречены кусочки перегнившего дерева и кости ног лошади.

На глубине 2 метр. 86 сант. в деревянном гробу находился скелет человека. Крышка гроба пробита и над черепом, отделенные 2—3 вершковым слоем земли от него, поставлены вертикально кости ног лошади и между ними левая половина таза человека. В гробу, повидимому, не тронутыми с места оказались следующие кости человеческого скелета: малые берцовые, пяточные правой ноги, поясные, грудные и шейные позвонки ребра, правая ключица, плечевые кости и нижняя челюсть.

Судя по оставшимся костям, положение скелета рисуется в следующем виде: труп был положен на спину с вытянутыми конечностями, головой на восток. Голова, если признать положение нижней челюсти за первоначальное, на затылке. Гроб состоял из сбитых гвоздями досок, достигающих толщины: боковые, северная и южная, доски крышки и дна до 3 сант. боковые, восточная и западная до 10 сант. Над продольно лежащими досками крышки, посередине их, остатки 5 поперечных коротких дощечек, в большей своей части уничтоженных

грабительской ямой. Поперечные дощечки несут следы обтесывания топором. При съемке костей под правой лопаткой обнаружены остатки шелковой вышивки в виде ажурных кружечков. Возле правого плеча в непосредственном соприкосновении с боковой стеной гроба половинка железных ножниц, остатки головного убора из березовой бересты и возле остатков черепа, с правой же стороны, слегка фрагментированное бронзовое зеркало и обломки неопределенного медного шарообразного предмета. К югу от левого плеча свинцовый обломок в виде усеченного конуса. В 80 сант. к северу от гроба на глиняной материковой площадке находился череп лошади, ось которого была направлена с Ю.-В. на С.-З. Во рту были вставлены железные удила. Кроме черепа и костей ног, других частей скелета лошади не обнаружено. Точное отношение костей собаки, лошади и человека друг к другу восстанавливать по памяти не решаюсь.

С. Н. Черновым был вскрыт небольшой курган № 3. Ни способа вскрытия, ни размеров кургана, ни местоположение его относительно 2-х предыдущих установить нет возможности за утратой материала со смертью С. А. Щеглова.

В насыпи кургана встречены разные кости человека и при просеивании земли отсеяны: обломки железной пряжки, огниво, железный наконечник стрелы, обломки 2-х железных ножей, ряд неопределенных железных обломков и костяная пластинка с кружковым резным орнаментом.

13 мая 1918 г. мною был вскрыт курган—№ 4 на общественном выгоне, размером 7,25 метров по направлению с В. на З. и таковой же протяжением с С. на Ю. при высоте около 35 сант. Вскрытие было совершено колодцем 2,75 метр \times 2,75 метр. Насыпь состояла из чистого чернозема, на фоне которого и при снятии 3 стыка обнаружилась могила пятном из смешанной земли размером 2,41 метр на 1,15 метра. На глубине 1,2 метра встречен деревянный гроб, верхняя доска коего имела ширину 40 сант. и длину 2 метра, прочие доски, составляющие гроб, сгнили и сдвинуты с места землей, т. ч. точные размеры установить не удалось. Под верхней доской обнаружен скелет человека, кости коего настолько плохой сохранности, что при очистке их от земли щеткой, они рассыпались в порошок. По оставшимся костям и их отпечатку в глинистом грунте установлено: костяк лежал на спине, головой положенный на затылок и обращенный на запад, руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые. Длина скелета 162 сант. На костях ног сохранились остатки кожаных сапог, захвативших слегка за голенное сочленение. В голенище правого сапога находился кожаный кошель с тяжелым огнивом и кусочком окаменелого дерева вместо кремня.

Около кошелька найдена бусинка из зеленоватого стекла. Бусинка, повидимому, от шнурка, служившего для стягивания кошелька. Подобные бусинки часто встречаются на Увековском городище.

1 июня 1919 г. был вскрыт курган—№ 5 из той же группы, членами клуба подростков при Доме Труда и Просвещения. Курган с основанием круглой формы, едва заметный над поверхностью земли (23 сант. высотой) имел диаметр 9,33 мет. Вскрытие было произведено колодцем 2,5 \times 2,5 мет. При снятии земли на глубине 1-го стыка обнаружен конечный сустав ноги лошади, на глубине 2-го стыка баранья кость (голенная) и на глубине 3-го стыка бараний позвонок. На глубине 3-го стыка обнаружено могильное пятно, имеющее длинную направленную с (С.-В. на Ю.-З. ось). Длина могильного пятна 2,13 метра и ширина в С.-В. части 0,71 метра и в Ю.-З. части 0,5 мет-

ра. На глубине 1,38 метр. обнаружены остатки деревянного гроба, настолько разрушенного, что удалось установить лишь ширину верхней доски, достигающей 0,40 метр. Скелет человека, находившийся под доской, прекрасной сохранности, кроме черепа, раздавленного землей. Труп был положен в могилу на спину, головой на затылке и обращенный на С.-В., ноги прямые, правая рука вытянута вдоль туловища, левая рука согнута в локтевом сочленении таким образом, что кисть руки лежала на бедре. Около стопы правой ноги находились железные ножницы, около колена левой ноги половина металлического зеркала. Длина скелета 1,58 метр.

15 мая 1920 г. силами слушателей курсов педагогических и инструкторов по внешкольному образованию вскрыты курганы № 6 и 7.

Курган № 6 с основанием округлой формы высотой около 0,5 метра и диаметром с С. от 10—9,6 мет. и с В. на З.—8,9 мет. был вскрыт колодцем 4,8×3,5 метра. На глубине 0,66 мет. обнаружено могильное пятно, имеющее большую ось с В. на З. Длина могилы 1,6 мет., ширина в вост. част 0,7 м. и в запад. 0,8 метра, глубина 1,07 мет. В деревянном гробу или колоде, что установить не представлялось возможным, находился скелет человека, обращенный головой на запад, череп на затылке, туловище на спине, ноги прямые, плечевые кости рук параллельно позвоночному хребту, а локтевые согнуты так, что кисти рук сходились к области таза, расстояния между кистями 3 вершка. Длина скелета 1,23 метра. На верхней челюсти возле носовых костей находился бараний астрагал, около левой скуловой кости на зубах верхней челюсти тонкое серебряное, замкнутое проволочное колечко. Около правой височной кости кольцеобразная толстая серебряная серьга. На расстоянии 0,04 мет. к сев. от левого плеча два бараньих позвонка, поставленных друг на друга.

На расстоянии 0,04 мет. к северу от таза железный сильно окислившийся нож, 0,13 мет. длиной. При выемке из земли, несмотря на попытку его связать пропитыванием жидко распущенным клеем, нож распался. Между вертлугом и ножом 2 бараньих астрагала, поставленные друг на друга, под ножом свинцовый отлив бараньего астрагала и рядом с последним друг возле друга 2 костяных астрагала. Погребение подростка—череп раздавлен землей.

Курган № 7 находился к западу от № 6 го. Высота кургана около 35 сант., слабые следы рва, основание круглой формы в диаметре 7,1×7,1 метра. Вскрыт колодцем 3×3 мет. На глубине 0,9 мет. в совершенно разрушенном деревянном гробу или колоде находился скелет человека настолько плохой сохранности, что при прикосновении щетки рассыпался в порошок. Плохая сохранность костяка не дает возможности полностью установить положение и взаимоотношение костей и вещей. Скелет обращен головой на запад с легким уклоном к югу, голова на затылке, туловище на спине, ноги прямые, плечевые кости параллельно спинному хребту и кости локтевые и кистей лишь предположительно также параллельно спинному хребту.

К югу от черепа несколько обломков головного женского убора из березовой бересты; несколько юго-восточнее от остатков головного убора—железные ножницы. На ногах остатки кожаных сапог, доходивших до колена.

Курган № 8 находился к югу от 6 и 7. Северная пола земляной насыпи находилась под дорогой в с. Квасниковку, а его южную полу прорезывала канава, отгораживающая бахчу от выгона, т. ч. оставшаяся часть с С. на Ю. имела протяженность 5 мет. и с В. на З. 9,5 м. при высоте 27 сан. Курган исследован колодцем 5×5 мет. При

с'емке земли после 1-го же стыка обнаружилось могильное пятно. При рассмотрении курганная насыпь состояла из чередующихся слоев сплошной черноватой земли, сменяющейся слоями смешанной.

Можно предполагать, что при устройстве насыпи применялось чередование насыпки слоев смешанной могильной земли с обкладкой поверх дернинами. Могильное пятно с большей осью, направленной с С.-З. на Ю.-В., и с закругленными углами, в верхней своей части было шириной 85 сант. и длиной 1,87 мет. На глубине 54 сан. в юго-западной стенке начинался подбой полукруглым сводом. Пространство, образовавшее подбоем могилу, было в С.-З. части 89 сан. и Ю.-В. 80 сант., при высоте 44 сант. Стены С.-З. и Ю.-В. шли не вертикально, а с легким уклоном к дну могилы. Разница протяженности верхнего сечения могилы с нижним, в направлении с С.-З.—на Ю.-В.—около 8 сант. и катет треугольника, образуемого перпендикуляром, опущенным из верхнего ребра Ю.-З. стены на дно ребром, образуемым стеной и дном—около 3 сант., Около Ю.-З. стены вырезана из материковой глины скамеечка высотой 23 сан. шириной 44 сант. и длиной во всю могилу.

При очистке земли из подбоя от юго-западной ея стены обвалился слой, образовавший подбой. При рассмотрении этот слой оказался, состоящим из темной иловатой местной глины (глея) и искусственно созданным и прилепленным к стене. По расчистке земли от обвала могильная яма оказалась следующих размеров: с С.-З. на Ю.-В.. 1,87 мет., с Ю.-С. на С.-В. 1,70 мет. и глубиной 98 сант. Около С.-В. на месте бывшего подбоя в деревянном сильно сгнившем гробу, от которого остались лишь отдельные гнилушки, находился скелет человека, обращенного головой к С.-З. Туловище располагалось на спине, ноги прямые, руки прямые с кистями под тазовыми костями (почти параллельны спинному хребту), череп на затылке. На черепе остатки парчевого головного убора. Следы парчи в виде отдельных золотых ниток встречены по всему протяжению скелета и на лицевых костях. На ногах следы кожаной обуви, сохранившейся в виде отдельных кусков, приставших к костям и узких полос, окаймлявших верхний край голенища. От пяточной кости до этих полос 37 сантим.

Между Ю. З. стенкой гроба и черепом берестовая часть головного убора в виде трубки со следами парчи. Возле С.-З. части этой трубки, направленной отверстиями с С.-З. на Ю.-В., скопление ниток от парчи в виде небольшой кучки. Между Ю.-В. стеной гроба и подошвой правой ноги параллельно и в непосредственном соприкосновении с последней железные ножницы и железный ножичек, под которыми находился обломок металлического зеркала и под последним перпендикулярно оси ножниц железное шило с деревянной ручкой. Вокруг этих предметов (и отпечатки на них) обрывки шелковой материи, расположенных таким образом, что создалось впечатление, что это остатки мешечка, в коем эти предметы были положены в могилу. На верхней и боковой поверхностях глиняной скамеечки, расположенной около Ю.-З. стены могилы, сохранились отпечатки рогожи, окрашенной в фиолетовый цвет и на верхней поверхности скамьи остатки деревянной посуды в виде гнилушек, превращающихся в порошок при попытке их расчистить. Длина скелета 151 сант.

Курган № 9 находится на краю карьера кирпичного завода, расположенного по соседству с заводом Куценко.

Выемкой глины срезана часть его западной полы, но, по оставшейся части, возможно судить о его прежних размерах и форме. С округлой формы основанием, высшей точкой над северной полкой курган имеет размеры, числя их от высшей точки: к югу—21 метр, к

северу—15 мет. к западу 3,5 мет. и на восток 25,5 мет. Вскрытие было начато колодцем протяженностью с С. на Ю.—8,5 мет. и с В. на З.—6,5 метр. При с'емке первого стыка в Ю.-В. углу колодца обнаружено погребение без каких либо следов гроба, на левом боку лицом к востоку, на левой щеке с головой, ориентированной на С.-В. и согнутыми конечностями. Скелет человека был замечен не тотчас же, благодаря чему оказались срезанными фаланги пальцев правой ноги и коленная кость той же ноги сдвинута с места, а также не обнаружены благодаря тому же, повидимому, кисти рук и срезан конец бронзового ножа. Грудные, поясничные позвонки представляют прямую линию, шейные позвонки и череп несколько отклонены к востоку. Руки согнуты таким образом, что кисти должны были сходиться у подбородка. Бедренные кости и позвоночный столб образуют угол в 90° ; бедренные и голенные кости образуют угол около 30° . Пяточные кости находились на прямой, проведенной через позвоночник. Возле черепа находился бронзовый нож, длинная ось которого направлена была с З. на В. На месте сочленения запястья и локтевой кости правой руки, поверх последних, лежал другой бронзовый нож, длинная ось которого имела те же направления, с той лишь разницей, что первый был обращен острием к З., а ручкой к В., а второй обратно, острием к В. и ручкой к З.—В 44 сант. к Ю.-В. от колен костяка небольшой глиняный горшечек с рисунком по верхнему краю в виде 2-х ромбов и 2-х параллельных штрихов возле наружного края левого ромба. Сосуд имеет 2 сквозных небольших отверстия на верхней своей части, повидимому, предназначенных для продевания веревочек при подвешивании сосуда над огнем. В 44 сант. к Ю.-З. от пяточной кости находился другой сосуд, распавшийся на части под давлением земли и, по склеивании его, имеющий баночную форму без следов орнамента; длина скелета: от темени до вертлуга бедренных костей 49 сант., бедренная кость 45 сан. и голенная с пяточной 34 сант.— После снятия еще 2-х стыков работа была прекращена.

Не предрешая вопроса датировки курганов 1, 3 и 6, а также принадлежности покойников, обнаруженных в курганах 5, 7 и 8, к той или иной народности, составлявших Золотую Орду, я позволю себе высказать соображения, могущие служить некоторым основанием к датировке курганов 2, 5, 7, 8 и 9.

Курган 2-й Работами проф. Городцова в Изюмском и Бахмутском уездах, Харьковской губ., установлен тип половецких погребений, характеризующихся взаимоотношением коня и человека и ориентировкой последнего головой на восток. Ориентировка нашего покойника совпадает и воспоминания об отношениях костей человека и лошади заставляют меня отнести курган к этому типу.

Курганы 5, 7 и 8 относятся, по моему мнению, к XIII—XIV в.

5-й курган отнесен к этому времени по имеющимся в могиле предметам и ориентировке покойника головой на С.-В., что характерно для погребений XIII—XIV в. вскрытых в Чардыме и Увеке.

Кур. 7 и 8. Приурочены к XIII—XIV в. благодаря присутствию в могилах верхней части головных уборов из бересты, подобных, исключая некоторых подробностей, найденному в 1913 г. на Увеке в могиле № 1.

Погребение кургана № 9 относится к поре бронзовых орудий (культура погребений в насыпи), что видно из характерных типов глиняных горшечков и бронзовых ножей, обнаруженных в могиле.

Предметы, найденные в курганах, хранятся в Сар. Археологическом Музее.

В поисках Мохши.

Всем занимающимся татарской нумизматикой и, в частности, монетами Золотой Орды, известно, что при чеканке этих монет на аверсе их изображалось имя хана с присущими ему титулами, а на реверсе обычно название города, где монета была чеканена и год ее чеканки. Эти надписи приходится наблюдать на всех почти серебряных монетах, за немногими исключениями, реже они встречаются на медных монетах, на которых аверсная сторона большею частью занималась или какими-нибудь эмблематическими изображениями: птиц, зверей, цветов или геометрическими фигурами. Реверс же их, как и на серебряных монетах, обычно носит на себе имя города и дату, когда монета бита.

В труде академика Френа: *Die Münzen der Hane vom Ulus Dschutschis* перечислены все города, которым золотоордынские ханы давали право бить монету с именем своего города. В числе таких городов есть один, имя которого в арабской транскрипции изображается.

سوخشي Слово это по Френу можно прочесть: Мехси, Мешси, Мудши, Мухши и т. д. и мы принимаем это слово в чтении ориенталиста П. Савельева, „Мохши“.

Все перечисленные Френом города, чеканившие монету со своим именем, ныне лежащие в развалинах, хотя бы приблизительно, намечаются, только лишь один город для Френа остался „problematische Prägeort—загадочным местом чекана—это Мохши. Об этом городе нет упоминаний ни у арабских писателей, давших нам описание З. Орды, ни в русских летописях, ни у западных путешественников посещавших улус Джучиев. Френ о Мохши делает лишь такую догадку: „Не Тучкин ли русских летописей можно искать в имени этого города?“. В 40-х годах прошлого столетия мимоходом и опять таки в виде догадки, упоминает о Мохши другой ориентолог, занимавшийся татарскими монетами, П. Савельев в своем труде: „Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории“, где он в одном из примечаний говорит: „город Мохша, встречаемый на монетах ханов З. Орды, не есть ли Мокшан, преемник Буртаса X столетия?“. В обстоятельной статье проф. Саблукова: „Монеты З. Орды“, помещенной в 2 номере Саратовских Губернских Ведомостей за 1844 год, совсем не упоминается о Мохши при перечислении городов, где билась татарская монета.

Таким образом, нам, местным любителям родной старины, занявшимся изучением богатой коллекции золотоордынских монет, собранных в Саратовской и Астраханской губерниях и хранящихся в местном музее Саратовской Архивной Комиссии (ныне О-во Истории, Археологии и Этнографии) пришлось натолкнуться на этот „таинственный“ Мохши и стать перед вопросом: где же мог существовать этот татарский золотоордынский город*).

Если принять мнение Френа, что Мохши это г. Тучкин, вопрос о местонахождении Мохши этим не решался, ибо неизвестно до сих пор где был расположен этот Тучкин, но это и не Мокшан П. Савельева, так как, по наведенным Сар. Арх. Комиссией справкам в Пензенской Арх. Комиссии, удалось выяснить, что во 1-х, ни в самом Мокшане, ни близ него не имеется никаких городищ с остатками татарской куль-

*) В коллекции музея имеется до 50 мохшинских монет, собранных на территории Саратовской губ.

туры и нигде там не встречается самого существенного признака таковых городищ—золотоордынского черепка и во 2-х, никаких находок золотоордынских монет там никогда не случилось. Правда, одна татарская монета была случайно найдена близ Мокшана, но она оказалась принадлежащею Крим-Гирей-хану, монета позднего времени XVII в., повидимому, случайно попавшая в Мокшанскую почву.

Географическое изучение городов З. Орды, к чему мы обратились, чтобы поискать Мохши, дало нам следующее: все города ея, в которых чеканилась джучидская монета, были расположены в свое время по периферии З. Орды, близ условных границ этого царства; только два города, сначала „Старый Сарай“, а затем „Новый“ со своими царскими пригородами Старым и Новым Гулистаном, мы находим в центре З Орды. Все прочие областные города, как бы ожерельем, опоясывали свою столицу, при чем главная масса их была сосредоточена к югу от Сараев и лишь редкие города—к северу от них.

Начиная от юговосточных границ по направлению к западу, мы имеем по Френу и каталогу Эрмитажа следующие города в З. Орде, бившие монету со своим именем: Ховарезм (ныне Хива), Ургенч (городище близ Хивы), Янги-Шехр (к С. З от Хивы на Сыр-Дарье), Санак (там-же), Сарайчук (на Урале), Хаджи-Терхан (на Волге), Маджар (на Куме) Баку, Дербент, Джуллад, Тебриз, Тифлис, Шемаха, Шаберан, Алагир—на Кавказе, Каффа, Эль-Крыми, Бахче-Сарай—в Крыму, Азак на Дону, Укек—на Волге и Булгар в 135 верстах к ю. от Казани. Рассматривая этот ряд городов, невольно останавливаешься на 3 больших разрывах или зияниях между областными центрами в северной половине золотоордынского царства, это между Азаком и Укеком, между Укеком и Булгаром и, наконец, между (в Заволжских степях) Булгаром и Сараем, между тем как южные границы были насыщены областными городами, где, казалось нам, не могло быть места для Мохши, который надо было относить в какой-нибудь из указанных разрывов между западными и северными городами.

Самый большой разрыв между Булгаром и Сараем, лишенный областных центров по Заволжским степям, разрешался теми соображениями, что здесь Золотая Орда соприкасалась с кочующей Ордой Шейбановой, подчиненной Орде Батыевой, где ни по политическим, ни по экономическим соображениям не требовалось устройства городских административных центров. Там, за Волгою, на пространстве от от Каспия и до Булгара постоянно двигались то к С., то к Ю. кочевые элементы З. Орды, которые в городах не нуждались, устраивая их там, где останавливалась кибитка—дворец хана. Необъяснимыми оставались широкие разрывы на правом берегу Волги, между Азаком и Укеком, между Укеком и Булгаром. Невольно возникала мысль, не сюда ли нужно направить изыскание таинственного Мохши.

Таким образом результаты географического изучения лишь суживали радиус поисков, но самый Мохши, его местонахождение, оставалось темным.

К тем же результатам привело нас и изучение Мохшинских монет, хранящихся в нашем археологическом музее, подтвердившее мысль, что Мохши надо искать где то на севере З. Орды, а не на юге. Изучение это выявило перед нами одну характерную черту, отличающую мохшанские монеты от монет, битых в других городах З. Орды, особенно южных, это: грубость чекана, отсутствие, позволю себе выразиться, красоты шрифта на монетах и симметричности в расположении надписей и, наконец, примитивность в изображении

эмблематических фигур. Видимо, резчики по металлу в Мохши не проходили хорошей школы, которая чувствуется в монетах юго-восточных и южных городов З. Орды. Здесь, повидимому, участвовала рука самоучки, а не искусного мастера перса или араба. Мухшинские монеты по характеру чекана более сродны с Укекскими и Сарайскими, хотя грубее их, а наиболее всего они подходят по чекану к монетам, битым в Булгаре.

Отсюда мы и заключили, что г. Мохши надо искать севернее Н. Сарая и севернее Укека, т. е. между Укеком и Булгаром и, быть может, между Булгаром и Сараем. Но нумизматический путь открыл нам и еще один важный фактор, который сыграл большую роль в отыскании Мохши. В процессе изучения и собирания джучидских монет, невольно обращалось внимание, напр., на то, что монеты с именем г. Укека встречаются более всего на Укекском городище и редко в других местах*). О таком же явлении нам удалось слышать при находках в Булгаре, где часто встречаются монеты с датой „Чекан Булгар“. Подтверждение таковому явлению мы нашли и в статье Григорьева: о местности Сарая, столицы „Золотой Орды“, где он говорит: „Из числа монет, открытых Терещенко в развалинах у нынешнего г. Царева, где, как доказано, находился Сарай, около 5000 (монет), рассмотренных самим открывателем, академиком Френом и мною, оказались, за весьма незначительными исключениями, битыми в Новом Сарае и Гулистане; значит Н. Сарайские и Гулистанские монеты были в Сарае местною монетою, потому что только местная монета могла обращаться между жителями Сарая в таком изобилии, в каком найдена там Новосарайская и Гулистанская.“

Точно также на Таврическом полуострове находят из древних времен З. Орды почти исключительно монету г. Крыма, бывшую местною полуострова“.

Эти данные дали нам возможность установить такое положение, которое возможно возвести в закон для джучидских монет: *если на каком либо из татарских городищ находят наибольшее число монет с датой какого либо города, исключая Сарая и Гулистана, то это городище в свое время носило название города, указанного на этих монетах“.*

Применяя этот вывод при отыскании „таинственного“ Мохши, мы должны были сказать: то татарское городище, где будет найдено наибольшее число монет с именем Мохши и будет тем городом, который в XIV веке носил название „Мохши“.

Ограничивая существование Мохши четырнадцатым веком, мы основываемся на хронологической дате мухшинских монет, описанных у Френа в его „Die Münzen der Hane“, а также на собранных монетах нашего музея и монетах, помещенных в каталоге Эрмитаж**).

Полученные выводы из рассмотрения географических и нумизматических данных являлись в сущности лишь догадками о местоположении Мохши, суживали радиус изысканий о нем, но вопроса не решали, не давали географической точки, куда мы могли бы поместить этот город.

*) Монеты с именем „Чекан Укек“ были найдены вне Укека, в с. Курдюме в 30 в. от г. Саратова, на бывш. татарской „яме“, близ с. Петропавловки Вольск. у. и 1 монета на развалинах Сарая при раскопках Терещенко, о которой упоминает Саблуков в своем труде: „Монеты Зол. Орды“.

***) Монеты с чеканкою Мохши в музее нашего Об-ва И. А. Э. имеются за следующие годы: 713, 715, 717, 718, 722, 726, 731, 741 и 744, а в Эрмитаже за 717, 718, 720, 722, 723, 725, 726 и 762 годы гижр.

Явилась необходимость обследовать все татарские городища, лежащие по берегам Волги к северу от Увека и Сарая, углубиться в степи Самарской губернии, обследовать Пензенскую и, быть может, южную часть Нижегородской губернии, а такое предприятие являлось непосильным для Саратов. Архивной Комиссии: пришлось бы затратить большие средства на обследование, а их у Комиссии не было. Приходилось выжидать более счастливых времен, когда явится возможность к обследованию или ждать особо счастливого случая к проверке наших догадок.

И этот счастливый случай, после целого ряда лет, наступил.

В 1915 году был мобилизован один из членов-сотрудников Саратовской Архивной Комиссии, молодой крестьянин т. Садин, незадолго перед тем вернувшийся с военной службы в Самарканде. Полк его был направлен на постой в г. Наровчат Пензенской губернии. Садин человек наблюдательный и пристрастившийся к собранию старины, обратил свое внимание в Наровчате на некоторые камни, вмазанные в каменные дома и воротные столбы у наровчатских обывателей. В этих камнях его поразили вычеканные на них узоры, какие приходилось ему видеть в Самаркандских мечетях. Кроме того, при разбивке лагеря на выгоне г. Наровчата, когда полк начал копать канавы, Садину попались такие вещи, откопанные в земле, какие он видел в татарском отделе музея Саратовской Архивной Комиссии; наконец, ему удалось отрыть гончарные водопроводные трубы и древний татарский фонтан, о чем Садин и написал в Комиссию. Тогда в Наровчат был командирован студент Киевского Ун-та, Куринный для более детального обследования, который по возвращении оттуда, передал в музей Комиссии целый ящик разных вещей, собранных на Наровчатском городище и 4 известняковых белых камня с рельефными украшениями персидского или арабского производства*). Среди вещей было много таких, которые несомненно относились к татарско-монгольскому периоду, главным образом, керамика, а также до 120 медных монет Джучидов; другие вещи были или более раннего времени, как например, половинка каменного полированного, со сверлиной молотка, или более позднего (черная керамика) совершенно особая от Золотоордынской. Привезенные монеты были все медные, серебряных монет собрать не удалось, по словам Куринного. т. к. их растаскивали солдаты и не хотели продавать ему, надеясь выручить за них большие деньги. Попадалось серебряных монет при раскопке очень немного.

Среди привезенных монет, по их очистке и рассортировке, оказалось много монет с именем „чекан Мохши“, а также с надписью, которую прочесть нам не удалось: надписи были или монгольским шрифтом или варварским. Некоторые из них были посланы в Петроград на прочтение, но, к сожалению, плохая сохранность не дала возможности прочесть их и там. После окончательной сортировки было установлено, что монеты с чеканом Мохши составляли 62%, не считая непрочтенных монет, которые могли быть также с чеканом Мохши. Этот факт столь высокого содержания Мохшинских монет среди чеканеных в других городах З. Орды в связи с другими находками предметов, относящихся к татарскому времени, ясно показал нам, что то городище, где было найдено наибольшее число монет с

*) К сожалению, Куринный не передал Комиссии составленный им план Наровчатского городища, который он увез с собою при выезде из Саратова Киевского Ун-та.

именем „Мохши“ и был тот город, который существовал в XIV веке под именем города Мохши.

Таким образом выражение Френа про Мохши: „problematische Prägeort“ отныне стиралось и получали подтверждение слова П. Савельева: „туземное „Мокша“ также прилагается к народу, городу и реке“, ибо Наровчатское или, как отныне мы можем называть „Мохшинское городище“ находится на берегу р. Мохши. Название этот город получил или от реки, на которой он расположен или от народа, среди которого он был основан.

Думается нам, что в 1365 году именно этот город Мокши служил пристанищем для татарской орды Тогая, одного из царевичей, мечтавших в этот период упадка З. Орды основать отдельное ханство и что этот Мохши носил в русских летописях название Наровчата.

Этим мы и должны были бы закончить свой доклад, но нам еще хочется сказать несколько слов об этом городище, поставив на очередь вопрос о другом, „таинственном“ городе, более древнем, а именно о г. Буртасе.

Среди археологических памятников, собранных на этом городище и хранящихся в нашем музее, есть некоторые вещи, которые можно отнести к более древнему времени, но я имею говорить не о них, а о тех 4 камнях, которые привезены из Наровчата в наш музей. До сего времени эти камни остаются необследованными специалистами, чего они были бы достойны. Если эти камни с их узорами есть продукт персидского искусства и относятся к XIV веку, тогда они могут послужить лишь к вящему утверждению наших выводов, что здесь, на Наровчатском городище существовал не какой либо поселок—яйлак или кишлак, а значительный город с большими мечетями именно г. Мохши. Но по некоторым признакам—характеру арабесок, устройству капельника и способу чеканки, нам кажется, что это продукт не персидского, а арабского искусства и древность их надо отодвигать на 2 на 3 столетия назад. И если подтвердится наш некомпетентный взгляд на эти камни, тогда интерес к Наровчатскому городищу должен возрасти еще больше, ибо появление таких камней в дебрях Пензенской губернии можно будет об'яснить тогда только тем, что сюда когда то заходили арабские мастера, здесь в IX—X столетиях могла существовать арабская мечеть, а следовательно здесь должен был находиться какой то город. А таким городом не мог быть никакой другой, как город Буртас, о котором говорят некоторые арабские писатели, определявшие даже в нем число жителей (до 10 тысяч) и упоминавшие о 2 мусульманских мечетях в этом городе. Ведь в Пензенской губернии до сего времени есть две речки Вуртас, два села Буртас, а среди Наровчатской мордвы до сего времени ходит легенда о царице Буртас, жившей в замке на берегу р. Мокши близ Наровчатского городища, о ее битвах с татарами и о том, как она, после поражения ее войск татарами, бросилась с башни в Мокшу и утонула. В честь царицы Буртас мордва поет там еще до сих пор песни. Не на этом ли городище оправдаются вышеприведенные нами слова П. Савельева: „не есть ли Мокшан (а в данном случае Мохши) преемник Буртаса X столетия“?

А. Кротков.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Саратовские стоянки медного века *).

Трудами Саратовских деятелей по археологии устанавливается замечательное явление в русских древностях—приволжские стоянки медного века, оставленные каким то, видимо, земледельческим племенем. Стоянки эти, кажется, примыкают к подобным Казанским, Тамбовским, Воронежским и Донецким, что взятое вместе, дает картину весьма широкого распространения этой культуры и народности в наших пределах.

Как памятник весьма давнего времени, Саратовские стоянки медного века обыкновенно бывают уже прикрыты пластом, выросшей на них или налипшей земли и обнаруживаются случайно в обрезах речного берега, карьерах при добывании кирпичной глины, оползнях высоких берегов, по вещам, опавшим в русло речек, при глубокой распашке, попутно при археологических исследованиях, направленных на изучение иных памятников древности, вообще при всяком обнаружении низко лежащих пластов земли. Культурный слой стоянок имеет серый цвет от обильного содержания золы и насыщен значительным количеством черепков от посуды и костями диких и домашних животных. Обыкновенно он в то же время массивен и, повидимому, всегда имеет значительные размеры. Валов и рвов не замечено; если стоянки были защищены, то разве лишь деревянным тыном. При выборе места для них население не стремилось к пунктам, удобным в стратегическом отношении, и придерживаясь местностей, близких к воде и полю, где бы такие ни пришлись; очевидно, оно чувствовало себя в полной безопасности от вражеского нашествия и было единственным хозяином страны. Существование земледелия в России с очень отдаленной поры не возбуждает ни малейших сомнений: трипольская земледельческая культура относится даже к более раннему времени, чем Саратовская и по отношению к последней может быть только вопрос, откуда она пришла, с Запада, от Днепра или же с Востока, из Средней Азии.

Даем описание саратовских стоянок, уже ставших известными. Керамика лучше всего представлена в Хвалынских стоянках. № 1. Пос. *Дубовка* Цариц. у. В музее саратовской архивной комиссии отсюда имеется весьма замечательный целый горшечек из желтой глины, баночной формы (№ 61). Орнамент его штриховой, нанесенный по венчику вертикально, а ниже чередующимися поясками вправо и влево; кроме того, по сосуду в разных местах рассеяны наклепленные выпуклые колечки. Все это—форма, состав глины, орнамент, включая и колечки—ведет к трипольской культуре, что является чрезвычайно любопытной особенностью, ведущей к весьма важным сопоставлениям. Связь трипольской „местной“ посуды с керамикой саратовской и из курганов со скорченными костяками явствует и из иного материала.

№ 2. Д. *Оленья* Цариц. у. Отсюда в саратовском музее имеются два целые горшечка первого типа саратовской керамики: один гладкий с легкой штриховкой на внешней поверхности, другой с веревочным орнаментом в крупных зубцах и щипковым по венчику и вдоль дна (1893).

*) Статья, по условиям печати, не могла быть послана на предварительный просмотр автору.

№ 3. Г. *Камышин*. На дюнах у оврагов Ловецкого и Балберочного собраны черепки обоих типов саратовской керамики (линии из крупных зубцов, тонкая штриховка, глубоких челночков) и хороший набор кремневых стрелок медного века (с короткими черенками и вырезками снизу, есть ассиметричные), скребков и ножей. Найдено также не мало бронзовых скифских стрелок, появление которых здесь в позднейший период жизни саратовских стоянок допустимо.

№ 4. Сл. *Терновка* Камышин. у. Близ нее на городище найдены черепки второго типа (нарезные полосы вправо и влево, веревочный орнамент в виде горизонтальных и вертикальных линий со штриховкой по внутренней стороне, зубчики), кремневые поделки тех же типов, осколки обсидиана, указывающие на вероятность существования торговых сношений с Кавказом, медный клин, медный горбатый нож. Найдены также сарматские вещи и предметы иных культур. На городище имеется до 80 жилищных ям. (Изв. Имп. Арх. Комм. в. 53, стр. 98).

№ 5. Слоб. *Даниловка*. Камыш. у. Весьма замечательно местонахождение вещей данной культуры, открытое в 1907 г. Б. В. Зайковским, но еще недостаточно исследованное. Вещи найдены в нескольких местах: 1) по речке вверх у Белого мара на дюнной стоянке найдено несколько черепков С. А. Щегловым; 2) наибольшее количество изделий из камня собрано у р. Даниловки, между хут. Романовкой и Слободой; 3) на Волжском оползне Дурман-горы, возвышающейся непосредственно над слободой. Оползнь сравнительно нового образования, с мощным культурным слоем, будто-бы, до 2-х с половиной аршин. толщиной; в траншее, проведенной поперек оползня, найдено много костей животных (коровы, овцы, свиньи, птички, рыбы), большею частью расколотых, и свыше полутора ста черепков довольно грубой обработки. 4) На Стенькине бугре, расположенном выше по течению Волги рядом с Дурман-горою; здесь расположено большое городище с очень массивным культурным пластом (до 21^{1/2} арш. толщиной), в котором сверху встречаются поздние русские вещи в среднем слое татарские с монетами XIV в. в нижнем, вероятно, наиболее слабом, — черепки медного века со штриховкою, в небольшом числе. Черепки иных типов, как и вещи (между прочим наконечник ножен скандинавского меча X в. и медный сарматский кинжал), найдены в значительном количестве; вообще Бугор, видимо был обитаем с давней поры и, может быть, непрерывно; в нижнем слое найдены 2 крупные каменные наконечника копий, отличной работы, и медный узкий клин. 5) На урочище Комаровка, расположенном в тылу Стенькина Бугра, где собраны черепки со штриховым орнаментом, крупный олений рог со следами нарезков для удаления от черепа, короткая рукоятка из оленьего рога с глубокой сверлиной сбоку и очень хороший каменный толкач с расширенной нижней частью и гландами сверху. В общем, кроме упомянутых находок из данной местности в Саратовском музее сохраняются еще: кремневые наконечники стрел и скребки, круглые толкачи, в виде пестиков, каменная овальная гладилка, два массивные топора с выступающими ушками для прикрепления, любопытный пластинчатый каменный топор с выемкою внизу и выступом сверху для той же цели; черепков собрано пока мало, и все они, повидимому, уже второго типа; их орнаменты: крупно-зубчатый, челночковатый (на обороте штриховка), зубцы из мелкой насечки, полукруглый штамп, тонкие линии, пересекающиеся в ромб. (труды Саратов. арх. комм. в. 24, стр. 44—55; в. 30, стр. 215—231; Изв. Имп. Археол. Комм. в. 53, стр. 95).

№ 6. С. *Ахмат*. Камыш. у. Здесь в 1921 г. в уроч. Мартышкине на берегу Волги обнаружена значительная стоянка медного века, расположенная на широкой второй террасе, имеющей не малый наклон к речке, почему стоянка и не могла сохраниться на своем первоначальном месте. Кроме многочисленных костей животных, собрано значительное количество черепков, преимущественно первого типа, а также два погребения в скорченном положении. Лица, производившие раскопки, уверены, что на одном костяке заметны были и следы окраски. Подобные костяки на Мартышкине были находимы и прежде, даже с медными вещами. На той же стоянке найдены были также черепки татарские и одновременные им остатки оснований круглых жилищ. (Отчет Имп. Археол. Комм. 1912 г., стр. 72—75; Труды Саратов. Арх. Комм. в. 33, стр. 34—38).

№ 7. Сл. *Покровская*. (против Саратова) Новоузенского у. Здесь в районе кирпичного сарая под толстым пластом земли проходит золотистый слой с костями животных и черепками. В 1911 г. в этом слое произведены были небольшие раскопки Саратовской Архивной Комиссией, давшие небилый, но достаточный материал для отнесения культуры находок к описанной группе. Особенно характерны черепки. *).

№ 8. Г. *Вольск*. В каменоломне Малинычева найдены в 1913 г. остатки городища или поселения со слоем золы, заключающим кости животных и массу черепков, отчасти типа местных финских городищ, частью же типов медного века с обильной примесью толченой раковины. Не можем не отметить с особым вниманием обнаружившиеся на городище комки обожженной глины с оттисками прутьев (Труды Саратов. Арх. Ком. в. 31, стр. 120—124).

№ 9. С. *Труевская Мыза*, Вольского уезда. Отсюда в Саратовском музее имеются черепки с грубым зубчатым орнаментом и грубым же штриховым, а также два каменных молотка, один с широким тыльем, другой с суженным. Черепки должны быть относимы к первому типу.

№ 10. С. *Ивановка*, к Ю.-В. ниже Хвалынска. Стоянка расположена по краю низкой второй террасы и обнаружена размывом берега. Раскопка, произведенная здесь в 1914 г. В. Ф. Ореховым, показала такое чередование слоев: сверху перепаханная земля на глубину до $\frac{1}{2}$ арш., ниже культурный основной слой, серовато-черного цвета, толщиной до $\frac{3}{4}$ арш., изобилующий черепками, костями животных и камнями, ниже слой чернозема с глиной, толщиной всего в $\frac{1}{4}$ арш., в котором также кое-что попадалось. Нижний слой скорее всего представляет собой первоначальную поверхность материка, а средний — нетронутый, но, вероятно, уже передвинувшийся живой слой. Последнее обстоятельство требует специальных наблюдений. В траншее, проложенной В. Ореховым, внизу серого слоя оказались остатки нескольких очагов из переженных и разбитых камней и групп черепков от отдельных горшков, несколько горшков почти целых и скелет в скорченном положении (головой на С., ноги направо); под костями заметна красная и белая краски, сверху белая, на шее найдены очень мелкие плоские бусы. Костяк к очагам едва ли имел какое-либо отношение. Под одним из очагов в земле найдены части другого такого же костяка, со следами окраски. Эта находка доказывает, что скелеты со скорченными костяками принадлежат той же культуре. Кроме

*) В 1921—22 г.г. здесь были произведены дополнительные раскопки, отчеты о которых, за недостатком места, не могли быть напечатаны. Ред.

черепков и костей животных (коровы, лошади, свиньи, собаки) в раскопке были найдены: молот из розового кварца с вогнутостью внизу и двумя выступами вверху для прикрепления, толкач конической формы, костяной цилиндр, шлифованная плитка, костяной серп, такое же шило, костяная лопатка, отличные кремневые наконечники стрел, скребки, ножи, большие ножи из кварцита и пр. Богатая по числу находок Ивановская керамика включает в себе, повидимому, все типы посуды данной культуры. Она была нами рассмотрена и, по нашим наблюдениям, заключает два типа, старший и младший, непосредственно друг с другом связанные. Черепки *первого типа* толстые, темные, серые глина с комковатой примесью, плохо промешанная, обжиг в общем недостаточный, но иногда хороший. Шейка сосудов почти всегда прямая, но иногда же слегка отогнутая наружу или внутрь, край прямой и гладкий, плечи слабо выражены; в общем посуда имеет форму банок. Самый обыкновенный орнамент—штриховой, чаще крупный, наносимый зубчатой лопаткой. По венчику штрихи идут почти всегда вертикально, ниже располагаются беспорядочно, чаще направо и влево, внутри сосуда штрихи вертикальны. Ширина лопаточки приблизительно 1 дюйм. Иногда наружная штриховка сглажена то сильнее, то слабее в некоторых случаях до блеска глянцевой посуды; иногда поверхность сглаживается как бы грубою тряпкою, которая на глине также оставляет следы. Второй обыкновенный орнамент—зубчатый, глубокий и крупный, наносимый прямыми параллельными линиями под уголок, зубцами, ромбом, прямыми горизонталями. Керамика *второго типа* дает черепки более тонкие, из лучше промешанной глины, иногда с примесью раковины или мела, по цвету серые и желтые. Орнаменты: челночковый, клинчатый, ногтевый, тычковый, нарезной. Линии собираются в зубцы, ромбы, накрест; штриховка еще попадает, но весьма слабая. Встречены гладкие тонкие черепки со штриховкою внутри, обложки горшков с выпуклым пояском ниже шейки. Весьма важным обстоятельством является то, что Ивановская стоянка не имеет позднейших примесей и, следовательно, имеющиеся здесь кости животных принадлежат той же культуре (Труды Саратов. Арх. Ком. в. 33, стр. 39—59).

№ 11. *С. Старая-Яблонка*, в окрестностях Хвалынска. Аналогичная предыдущей стоянка на финском городище (№ 17), открытая в 1915 г. М. А. Радищевым при раскопках этого городища. Кроме многочисленных костей животных здесь были найдены черепки обоих типов (встречаю еще орнамент челночковый, мелко-зубчатый) и различные вещи: большие кварцевые молоты с обхватом по середине или по краю, обломки шлифованных молотов, лоцило из железистой массы, точилки из песчаников, костяные шилья, наконечники, лопатка, пряслицы, серпы, обломок медного серпа в виде искривленного узкого ножа, глиняная формочка, повидимому, для выливания медных наконечников копий, с двумя ушками. В трех местах найдены обожженные слои глины толщиной до $\frac{1}{4}$ арш., размером 2—3 арш., в трех пунктах куски из 3—4 камней при малых следах золы и угля и с черепками, два углубления с очагами, одно такое же искусственное, до 2-х саж. ширины. Кости в большинстве принадлежат корове и свинье; встречены также кости барана, козы, немного зубов лошади и лося, целый череп собаки. Последние относятся, повидимому, к данной древней культуре. (Труды Саратов. Архивной Комис. в. 33, стр. 30).

№ 12—14. Подобные стоянки медного века В. Ф. Орехову в окрестностях Хвалынска известны еще в следующих местностях: у

устья реки Черемшана, у устья ручья Банного, в 2-х в. от д. Ершовки, в 6—7 вер. ниже Хвалынска.

Две стоянки обнаружены в глубине страны, вдали от Волги, в верховьях Медведицы и Хопра.

№ 15. В Саратовском музее из окрестностей *Аткарска* имеются кремневые наконечники стрел, скребки, клин и черепки, орнаментированные веревочкой, штриховкой, клинышками и зубцами; отсюда же происходит обломок медного ножа.

№ 16. С. *Елань*, Сердобского уезда. Из окрестностей села в Саратовском музее имеется набор черепков, орнаментированных штриховкой (слабой), челноками, располагаемыми вкось и в елочку, узором ногтевым. Не есть ли это находки, о которых пишет Б. В. Зайковский, сообщая сведения о древностях Елани Аткарской? (Труды Саратов. Арх. Ком. в. 45, стр. 234—236). Черепки найдены были вдоль старицы и на кирпичном заводе. Такие же стоянки расположены в иных местностях нижнего Поволжья.

№ 17. В Румянцевском музее находится хорошая коллекция черепков обих типов данной культуры, собранная А. В. Толстым в Симбирской губ. где-то в окрестностях Самарской луки (с. Больш. Репьевка, д. Усенька, Микулино город., в Сызранском у.). При коллекции имеется обломок медного ножа.

№ 18. По р. Самаре на дюнах между с. Марычевской и Борским Бузулукского у. собраны сохраняющиеся в Самарском музее кремневые ножи, скребки и черепки с особым нарезным орнаментом из длинных горизонтальных линий с промежуточной насечкой, лесенками и подобным. Орнамент этот может составлять дальнейшее продолжение керамики второго типа; он близок к орнаменту черепков Воронежских стоянок.

№ 19. С. *Кунгулы*, Тетюшского у. Казанской губ. Вдали по р. Свяги, на песчаном полуострове, бывшем острове, имеется большая стоянка медного века, в 1909 г. посещенная и отчасти тронутая г. Тальгреном. Керамика трех разрядов: небольшое количество светло-серых с растительной примесью и орнаментом из крупных зубцов (по технике фатьяновского типа), тоже небольшое количество небольших, тонких черепков со следами скромного, нежного орнамента, а большинство—грубые с дресвою и штриховкою. Найдены кремневые стрелки и скребки. Эта стоянка представляет собой образец Казанских стоянок медного века, повидимому, также не малочисленных и, быть может, той же культуры. Керамика здесь, видимо, иная, чем на Саратовских стоянках. Более значительна связь по керамике Саратовских стоянок с подобными Пензенскими и Воронежскими.

№ 20. С. *Украинцево* Инсарского у. Пенз. губ. Здесь на городище в имени В. Д. Литвинова найдены хорошие черепки первого типа с зубчатым и штриховым орнаментом, доставленные нам в 1903 г. для ознакомления Н. И. Булычевым.

№ 21. С. *Жуковка*, Спасск. у. Тамб. губ. На местном городище найден был медный клин, сланцевый топорик в виде челнока и, кажется, старые черепки.

№ 22. Д. *Новонарышкина* Моршанск. у. Тамбов. губ. В Мукинской экономии Аносова. П. Тарасовым в 1903—1905 г.г. были произведены обширные раскопки на стоянке, прикрытой толстым слоем чернозема. Стоянка имеет до 74 арш. длины. На ней найдено около 2000 черепков (из которых могло быть склеено значительное количество почти целых сосудов), кости лошади, коровы, козы, свиньи, сурка, осколки кремня, массивный каменный пест, крупинки меди. Посуда

имеет вид ваз и широких чашек, штриховый и нарезной орнамент ее близки к Саратовскому второму. Найдена куча мелких колотых и обожженных камней, шириною в $1\frac{1}{2}$ арш., толщиной в $\frac{1}{4}$ арш.; кругом этого очага земля оказалась пережженной. В другом месте обнаружена яма в диаметре 3—4 арш., с пластом глины в нижней части. (Отчет Импер. Археол. Комм. 1905 г., стр. 81; *Тарасов П.*, Новооткрытое доисторическое поселение, Изв. Тамб. Арх. Ком. в. 52, от стр. 1—36).

№ 23. *Д. Бестужева*, Воронежск. губ. На высоком берегу Дона, на городище, найдены были черепки медного века.

№ 24. *Д. Каласково* Валуйск. у., на Осколе. Отсюда 1905 г. Н. Е. Макаренко привез, среди другой керамики, черепки второго типа Саратовских стоянок, с орнаментом челноковым, клинчатым, тычковым, нарезным, а также веревочным и штриховым. Все черепки грубые, темные и черные.

№ 25. *Д. Конопляновка и Хохловка*, Валуйск. у. По сообщению Величковского (Зап. Рус. Археол. Общ. т. XII, в. 1, стр. 801), по левому берегу р. Оскола на дюнах имеются мусорные кучи с черепками, поделками из кремня и костями животных. Черепки орнаментованы нарезкой и мелко-зубчатым чеканом.

№ 26. *С. Шалаево*, Валуйск. у., на Осколе. Здесь найдена какая-то стоянка каменного или, вернее, медного века, с кусками обмазки, будто-бы Трипольского типа. Если это указание верно, то оно является крайне любопытным, представляя показание в пользу близости Саратовских стоянок к Трипольской земледельческой культуре (Труды Ворон. Арх. Ком. т. II, 143—146; Труды Екатериносл. Археол. Съезда т. II, стр. 106—109). Какие-то кусочки обожженной глины попадались в немалом количестве и на Петрунинском селище.

№ 27. *Д. Кисляковка*, близ г. Волчанска. Здесь в усадьбе крест. Шабельнина в 1914 г. обнаружена стоянка медного века с костями животных, кремневыми изделиями (ножи, скребки) и старыми черепками со штриховым и веревочным орнаментом; к этим орнаментам присоединяются каннелюры и боровки вдоль шейки. Найден также каменный топор позднего типа с широким тыльем. (В архиве Импер. Археол. Ком. дело 1914 г. № 246).

Наконец, к той же группе дрезностей всего удобнее отнести две известные Екатеринославские стоянки медного века.

№ 28 и 29. Потемкинский сад в г. *Екатеринославе* и Стрильча скеля близ с. *Волосского* Екатериносл. у. Известные нам черепки из этих стоянок в общем очень близки к керамике Саратовских стоянок, но сравнительно лучшей обработки. Орнаменты их: штриховой (как снаружи, так и внутри), веревочный, попадающийся в соединении с предыдущим, пояски зубчатых и нарезных штампов в елочку, ногтевой, щипковый и др. Мы различаем в этом сорте черепков по меньшей мере три наложения, из которых два могут быть относимы к медному веку. Нет никаких оснований относить данные стоянки к каменному веку.

Далее на запад и на север мы пока не пойдем, но без сомнения, район древних земледельческих поселений значительно шире, чем показывает приведенный материал. Все перечисленные местности не выходят из пределов местного края, кроме некоторых Саратовских стоянок, тянувшихся вниз по Волге до Царицына. Наличие на стоянках многочисленных костей домашних животных, расположение их только в земледельческой полосе и далеко не всегда у воды присутствие не малого количества серпов, значительная мощность культурных слоев говорят за оседло-земледельческий быт их обита-

телей. Вероятно, эти стоянки находятся в той или иной связи с более ранними земледельческими поселениями Трипольского типа на Днепре, как не поздними большими городищами и стоянками скифскими, располагающихся также в пределах исключительно местности по ту и другую стороны Днепра и по верховьям Дона. Кроме стоянок медного века, в данном районе обнаруживаются еще следы рыболовных поселков, расположенных лишь по берегам рек, особенно многочисленных по Донцу и Днепру. Какие из них старые, какие молодые, трудно сказать, пока не собрана в достаточном количестве и не изучена сохраненная на них керамика. Конечно, вполне возможны специально рыболовные стоянки, относящиеся к данной культуре медного века; они могли существовать параллельно с поселениями, расположившимися на открытом поле, близ посевов и выгонов для скота. А. А. Кротков собрал сведения по крайней мере о 8 дюнных стоянках Саратовского края.

По всему району перечисленных Саратовских стоянок известны курганы и могильники с погребениями медного века, заключающие аналогичную или близкую керамику.

Проф. А. А. Спицын.

